
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И ПОЛИТИКА: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ ЗЕМСКОГО И ГОРОДСКОГО СОЮЗОВ С ЦАРСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ В 1915–1916 гг.

Публикация С.В. Куликова

Несмотря на внимание, которое уделяли Земскому и Городскому союзам историки, многие аспекты такой важной темы, как их отношения с правительством, до сих пор остаются недостаточно обеспеченными новыми источниками. Последняя крупная публикация такого рода вышла в свет почти 80 лет назад под редакцией Б.Б. Граве и содержала материалы главным образом из фонда Департамента полиции¹.

Настоящая публикация призвана восполнить отмеченную лауну, включая в себя достаточно разнообразные, не публиковавшиеся ранее документы: докладные и памятные записки, всеподданнейшие доклады, разговоры по прямому проводу, официальные и частные письма, телеграммы. Большая их часть отложилась в таких фондах Российского государственного исторического архива, как фонд Канцелярии Министерства Императорского двора (472), Совета министров (1276) и Канцелярии министра внутренних дел (1282). Некоторые документы выявлены в личных фондах А.В. Кривошеина (1571) и С.В. Рухлова (1576).

В публикации, прежде всего, представлены уникальные материалы, с неизвестной доселе полнотой освещающие драматические события вокруг отказа императора Николая II принять депутацию Земского и Городского съездов, состоявшихся в сентябре 1915 г., чему предшествовало, в августе того же года, образование в законодательных учреждениях Прогрессивного блока. В это оппозиционное объединение входили думские фракции прогрессивных националистов, центра, земцев-октябристов, октябристов, кадетов и прогрессистов и три политические группы Государственного совета — центра, левая (академическая) и Кружок внепартийного объединения. Целью Прогрессивного блока была замена правительства И.Л. Горемыкина «министерством доверия», готовым к осуществлению программы либеральных реформ. Оппозиция выступала за создание министерства, формально отличного от «ответственного министерства»,

¹ Буржуазия накануне Февральской революции / Под ред. Б.Б. Граве. М.; Л., 1927.

т. е. кабинета, зависимого от палат, а не монарха. Фактически оба министерства означали замену дуалистической системы, существовавшей в России с 1906 г., парламентской системой^{II}.

Появление Прогрессивного блока привело к окончательному переходу в оппозицию Земского и Городского союзов. Это произошло во время союзных съездов, открывшихся 7 сентября 1915 г. в Москве^{III}. Взгляды их организаторов разделяли некоторые министры, во главе с главноуправляющим землеустройством и земледелием А.В. Кривошеиным, который находился в тесном контакте с лидерами оппозиции, в частности — с А.И. Гучковым. Именно в сентябре 1915 г. осведомленный журналист князь М.М. Андроников писал Николаю II, что А.В. Кривошеин «мало знаком с правилами корректности, доказательством чего является его весьма нетактичная дружба с Гучковым, недоброжелателем того, чему Кривошеин должен служить». В октябре того же года Андроников сообщал императрице Александре Федоровне, что Кривошеин «протягивает руку Гучкову и компании с тем, чтобы при их содействии произвести переворот в нашем государственном строе». Не только Кривошеин, но и другие министры, по наблюдениям Андроникова, «старались более прислушиваться к мнениям разных Гучковых, чем к велениям своего государя»^{IV}.

Политическая солидарность некоторых министров и оппозиционеров была такова, что министры, сочувствовавшие союзам, отвели угрозу запрещения съездов, исходившую от И.Л. Горемыкина. Он заявил единомышленнику А.В. Кривошеину — управляющему МВД князю Н.Б. Щербатову, что необходимо «присутствие в Москве человека, им назначенного, для участия на всех предстоящих съездах, чтобы запретить дебатировать вопросы, их не касающиеся». Князь поначалу согласился на это. Щербатов пообещал Горемыкину послать на съезды своих представителей, чтобы вынесения съездами политических резолюций не последовало (см. док. 3). Но, повидав «некоторых москвичей», т. е. лидеров оппозиции, Щербатов развернулся на 180 градусов и с рекомендацией Горемыкина больше «не соглашался»^V.

Полное расхождение премьера с А.В. Кривошеиным и его единомышленниками по вопросу о съездах показало заседание правительства 2 сентября. На этом заседании Кривошеин раскрыл основную цель той политики, которую на протяжении предшествующего года он осуществлял по отношению к союзам. «Вся его работа вне контроля, хотя ему сыплют сотни миллионов казенных денег, — подразумеваемая руководитель Земского союза князя Г.Е. Львова, заявил Кривошеин, «забыв» о том, что эти миллионы стали выдавать по его инициативе. — Надо с этим или покончить, или отдать ему в руки всю власть».

^{II} Куликов С.В. 1) IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917) // Россия в XIX–XX вв. СПб., 1998. С. 258–259; 2) Правительственный либерализм начала XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы (Мат. межд. конф.). СПб., 2001. С. 95–97.

^{III} Об этих съездах см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967. С. 121–122; Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 126–129; Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 177–179.

^{IV} «Успокоения нечего ожидать». Письма князя М.М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А.А. Вырубовой и В.Н. Воейкову / Публ. С.В. Куликова // Источник. 1999. № 1. С. 28, 31.

^V Александра Федоровна — Николаю II. 6 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке / Публ. О.А. Платонова. М., 1996. С. 213.

Намекая на желательный для него исход, Щербатов заметил: «Закрывать эти учреждения в настоящее время невозможно, прежде всего потому, что они работают на армию. Да и с политической точки зрения такая мера породила бы крупные осложнения». Следовательно, оставалось идти на выполнение другого элемента кривошеинской дилеммы — передачу власти оппозиции, мнение которой собирались выразить московские съезды. Признавая, что съезды сведутся «к политической демонстрации, а может быть и похуже», Н.Б. Щербатов, тем не менее, высказался против применения по отношению к ним каких-либо репрессий. Мнение И.Л. Горемыкина о том, что если съезды «начнут болтать лишнее, то можно их и закрыть» стало гласом вопиющего в пустыне. Подытоживая прения, А.В. Кривошеин заключил: «Все наши сегодняшние суждения с полной определенностью обнаруживают, что за последнее время между вами, Иван Логгинович, и большинством Совета министров разница в оценке положения и во взглядах на направление политики еще более углубилась»^{VI}.

Вдохновленный поддержкой большинства кабинета, во время встречи с Николаем, состоявшейся 6 сентября в Могилеве, где была Ставка верховного главнокомандующего, Н.Б. Щербатов убедил императора в необходимости разрешения съездов, разыграв роль сильного человека. На монарха князь произвел «лучшее впечатление, чем в Царском», поскольку «робел гораздо меньше и рассуждал здраво». «Насчет Москвы» Щербатов заметил, что «нет оснований тревожиться съездом», ибо если оппозиционеры «вынесут глупые резолюции, то их не разрешат к напечатанию, и таким образом никакой беды не выйдет»^{VII}. Когда Николай писал эти строки, московские съезды уже начинали свою работу, результатом которой стали именно «глупые резолюции», принятые 9 сентября. Они, как и программа Прогрессивного блока, требовали создания «министерства доверия» и немедленного возобновления занятий Думы, распущенной 3 сентября.

Довести содержание резолюций до сведения царя делегаты съездов поручили депутации, в которую от Земского съезда вошли П.В. Каменский, Г.Е. Львов и С.Н. Маслов, а от Городского — Н.И. Астров, избранный вместо забаллотированного А.И. Гучкова, П.П. Рябушинский и М.В. Челноков. Резолюции и идею депутации даже министры, сочувствовавшие оппозиции, расценили неоднозначно. Государственный контролер П.А. Харитонов говорил октябристу И.С. Ключеву 10 сентября: «Москва распоясалась, города выработали свою резолюцию на съезде, а земство — свою. И надо отдать справедливость, что вторая лучше первой и по содержанию, и по форме. Обе они желают разрешения еврейского вопроса, но земство предлагает это в более умеренном тоне. И тот и другой съезды выбрали и представителей в депутацию, которая предполагает пойти к царю, и замечательно то, что Гучков в эту депутацию не попал. Ему припомнили все его грехи, сделанные им в Третьей Думе, и выбрали другого, принадлежащего по убеждениям к партии левых кадет. Но еще вопрос, что из всего этого выйдет, и согласится ли государь их принять». Через два дня, 12 сентября, Щербатов заявил Ключеву о «неправильности курса, принятого московскими съездами вообще и в частности по отношению к Гучкову»^{VIII}. Тем не менее, сочувствовавшие оппозиции министры, прежде всего — А.В. Кривошеин и Н.Б. Щербатов, приняли решения съездов как руководство к действию,

^{VI} Тяжелые дни (Секретные заседания Совета министров 16 июля — 2 сентября 1915 г.). Сост. А.Н. Яхонтовым, б[ывшим] помощником управляющего делами Совета министров, на основании его записей в заседаниях по секретным вопросам // Архив русской революции. Т. 18. Берлин, 1926. С. 129, 133, 135.

^{VII} Николай II — Александре Федоровне. 7 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С. 216.

^{VIII} Дневник И.С. Ключева // РГИА. Ф. 669 (И.С. Ключев). Оп. 1. Д. 17. Л. 5а, 6, 6 об.

поскольку были политическими единомышленниками лидеров оппозиции. Кавказский наместник великий князь Николай Николаевич как нечто само собой разумеющееся писал Кривошеину 20 ноября 1915 г. про его «близость к широким земским кругам»^{IX}. Тогда же А.В. Кривошеин предложил кандидатуру одного из участников депутации, С.Н. Маслова, в члены Совета кавказского наместника (см. док. 28). В свою очередь, Н.Б. Щербатов «стоил за то, чтобы государь принял депутацию»^X.

Затея с депутацией была обречена на неудачу. Во-первых, принимать политические резолюции, а тем более — обращаться с ними к царю, земства и города не имели права по закону. Во-вторых, в отличие от А.В. Кривошеина и его соратников, Николай полагал, что Прогрессивный блок и съезды выражают голос только их участников, а не народа. Его подавляющее большинство, с точки зрения царя, оппозиционными настроениями охвачено не было. «Здесь я, — писал он супруге из Ставки, — могу судить правильно об истинном настроении среди разных классов народа: все должно быть сделано, чтобы довести войну до победного конца, и никаких сомнений на этот счет не высказывается. Это мне официально говорили все депутации, которые я принимал на днях, и так это повсюду в России. Единственное исключение составляют Петроград и Москва — две крошечных точки на карте нашего отечества!»^{XI}

Точку зрения царя разделяли и другие сановники, в частности — директор Канцелярии министра путей сообщения Н.И. Туган-Барановский^{XII}. В конце августа 1915 г. он представил своему шефу С.В. Рухлову записку об общественных настроениях. Туган-Барановский не отрицал того, что в государстве имеются «беспокойные элементы, представляющие более или менее существенную ближайшую опасность». Однако «этим элементам, самим по себе, казалось бы, — подчеркивал автор записки, — не следует придавать в данном случае чрезмерного значения». Самую надежную гарантию невозможности революции он видел в том, что «главную массу населения Империи составляет крестьянство», чье настроение, «конечно, несколько повышено, в связи с войною», но «эта часть населения пока совершенно далека от возможности революционных выступлений» (см. док. 1).

Разделяя подобные взгляды, Николай и реагировал на резолюции съездов. Их содержание царь узнал из телеграммы Н.Б. Щербатова, написав на ней об отказе дать аудиенцию депутации (см. док. 4). Поведение Николая было вызвано тем, что одновременно с телеграммой управляющего МВД министр Императорского двора граф В.Б. Фредерикс, по телеграфной просьбе И.Л. Горемыкина (см. док. 5), представил императору текст телеграммы, полученной премьером из Москвы от Главного совета Отечественного патриотического союза (см. док. 6). Эта правая организация, возглавлявшаяся железнодорожным служащим В.Г. Орловым, находилась под покровительством С.В. Рухлова и

^{IX} Николай Николаевич — А.В. Кривошеину. 20 ноября 1915 г. // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 310. Л. 14 об.

^X Показания А.Н. Наумова. 4 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щеголева. В 7-ми тт. М.; Л., 1924–1927. Т. 1. Л., 1924. С. 351.

^{XI} Николай II — Александре Федоровне. 9 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С. 222–223. Подробнее о политической позиции царя см.: Куликов С.В. Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000.

^{XII} См. о нем: Куликов С.В. Записки Н.И. Туган-Барановского А.В. Кривошеину и С.В. Рухлову (1914–1915 гг.) // Английская набережная, 4. Ежегодник С.-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2001.

Н.И. Туган-Барановского^{XIII}. Несомненно, что эти покровители, прежде всего — Н.И. Туган-Барановский, стояли за посылкой телеграммы В.Г. Орлова И.Л. Горемыкину. Во всяком случае, в конце августа — начале сентября политические организации, патронировавшие Министерством путей сообщения, переживали своего рода всеобщую мобилизацию (см. док. 2).

Противопоставляя себя оппозиционерам, В.Г. Орлов, как и Н.И. Туган-Барановский, заявил себя решительным сторонником незыблемости Основных законов, а это не могло не встретить полного сочувствия со стороны не только премьера, но и царя. Не могла не произвести впечатления на Николая и аналогия с революционными событиями 1905 г., благодаря которой Орлов подводил к мысли о том, что слишком большие уступки оппозиции во время борьбы внешней, дестабилизируя внутривнутриполитическую ситуацию, работают лишь на военное поражение. Царская резолюция по поводу телеграммы Орлова не оставляла никакого сомнения, что симпатии Николая на стороне ее автора (см. док. 6).

Делая шаги по пути к окончательному разрыву с оппозиционерами, монарх находился в убеждении, что уж он-то лучше, чем кто бы то ни было, знает истинные интересы большинства населения. «Государь император, — писал в это самое время князь М.М. Андроников А.А. Вырубовой, выражая мысли самого Николая, — отлично знает и понимает нужды народа, он стоял близко к нему во время пребывания в Преображенском и Гусарском полках, он входил в близкое общение с ним в дни своих поездок по России, он стоит теперь лицом к лицу с народом, ведя его на защиту Родины. И кому же знать лучше желания нашей крестьянской Руси, как не царю-батюшке»^{XIV}.

Содержание царских резолюций В.Б. Фредерикс телеграфировал управляющему МВД и премьеру в ночь с 10 на 11 сентября (см. док. 7 и 8). Выполняя волю Николая, против приема депутации премьер начал действовать весьма активно (см. док. 10). Между тем, 11 сентября руководители Земского и Городского союзов Г.Е. Львов и М.В. Челноков послали в Ставку всеподданнейший доклад о приеме депутации (см. док. 9). В это время Николай, выбирая между И.Л. Горемыкиным и министрами, которые выступали за прием депутации, окончательно остановился на премьере. Посетовав на то, что в Царском Селе «столько дела — эти смены министров и укрепление позиции старика», царь писал супруге: «Я вызову его сюда, времени нельзя терять!»^{XV} Однако А.В. Кривошеин и его единомышленники все еще надеялись, так или иначе, склонить императора к приему депутации. Стремление министров обеспечить удовлетворение требований лидеров оппозиции показательно тем более, что власть имела способы заставить их вести себя иначе. На заседании правительства 13 сентября А.В. Кривошеин сообщил, что П.П. Рябушинский, в качестве газетного магната, «задолжал Государственному банку»^{XVI}. Отказываясь от употребления давления по отношению к лидерам оппозиции, министры демонстрировали политическое единомыслие с ними, заставлявшее министров пытаться влиять на Николая, что видно из телеграммы Н.Б. Щербатова В.Б. Фредериксу (см. док. 11). Монарху,

^{XIII} Об Отечественном патриотическом союзе см.: *Кирьянов Ю.И.* Образование и деятельность Отечественного патриотического союза (1915–1917 гг.) // Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее. Вып. 1. Воронеж, 2001.

^{XIV} «Успокоения нечего ожидать». С. 25.

^{XV} Николай II — Александре Федоровне. 11 сентября 1915 г. // Николай II в секретной переписке. С. 228.

^{XVI} Запись заседания 13 сентября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка) / Публ. Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, В.В. Лапина, М.Ф. Флоринского при участии Н. Хеймсон и Р. Уортмена. СПб., 1999. С. 273.

однако, были гораздо нужнее соображения о внутривнутриполитической ситуации не Н.Б. Щербатова, а И.Л. Горемыкина.

Встреча премьера с императором произошла 14 сентября^{XVII}. Во время нее Николай передал собеседнику документы, имевшие отношение к вопросу о депутатии. Затем И.Л. Горемыкин представил составленный им от имени министра Двора проект телеграммы Г.Е. Львову и М.В. Челнокову с отказом в приеме депутатии (см. док. 12). Горемыкинский проект получил одобрение царя и был передан премьером В.Б. Фредериксу для сообщения Львову и Челнокову. Однако во время обеда, состоявшегося 16 сентября, после заседания правительства, на котором сочувствовавшие оппозиции министры предприняли отчаянную попытку склонить на свою сторону Николая, царь, не желавший полного разрыва с оппозицией, заявил Горемыкину о желательности включения в телеграмму «признания забот и заслуг Земского и Городского союзов». После учета царского пожелания проект приобрел более примирительный характер (см. док. 13). От передачи даже смягченного отказа Николая министр Двора предпочел уклониться. После переговоров с И.Л. Горемыкиным и Н.Б. Щербатовым В.Б. Фредерикс испросил у царя разрешение передать объявление царского ответа Щербатову. Редакцию своей телеграммы он обещал прислать графу «для сведения» (см. док. 14). Но премьеру выпускать решение этого вопроса из своих рук не хотелось.

Перед самым отъездом министров из Ставки Горемыкин передал Щербатову новый проект телеграммы, сказав, что царь повелел отправить именно ее. Князю телеграмма показалась «грубой по форме и нелепой по содержанию», поскольку в ней, с одной стороны, монарх отказывался принять оппозиционеров и находил их действия неправильными, а с другой стороны — им «рекомендовалось заняться вопросом призрения раненых», и тем открывалась новая сфера для их деятельности. С возражениями Щербатова Горемыкин согласился и поправил телеграмму, на что управляющий МВД заметил: «Раз вы поправляете, то это не есть высочайше одобренная редакция, а проект, а с проектом я лично не согласен, и не отправлю». И.Л. Горемыкин ретировался, сказав: «Как угодно». В это время князя вызвал В.Б. Фредерикс. Он заявил Н.Б. Щербатову: «Умоляю эту телеграмму нелепую не отправлять. Мне предлагали ее отправить, и я счел невозможным». Уже в вагоне управляющий МВД показал телеграмму своим коллегам. Они признали, что «такую телеграмму подать нельзя»^{XVIII}.

В результате телеграмма подверглась очередной, третьей переделке. Новая редакция телеграммы была выработана Н.Б. Щербатовым совместно с А.В. Кривошеиным, А.Д. Самариным и А.А. Хвостовым, который перед И.Л. Горемыкиным от этого отрещивался (см. док. 15). Текст получил еще более примирительный характер. Самое существенное изменение, говорившее не конкретно о призрении раненых, а вообще о «трудах», «проявленных в настоящую войну», одобряло всю деятельность союзов, в том числе и политическую, противником которой был не только Горемыкин, но и Николай. Новая редакция в корне противоречила взгляду царя и премьера на данную проблему. Поэтому проект телеграммы, переданный Щербатовым Горемыкину для сведения (см. док. 16), получил отрицательную оценку во всеподданнейшем докладе премьера (см. док. 17). Впрочем, доклад И.Л. Горемыкина остался не востребуемым. Если на состоявшемся 16 сентября в Ставке заседании правительства А.В. Кривошеин и его единомышленники по вопросу об уступках оппозиции потерпели фиаско, то на другом вопросе — о форме ответа на обращение Г.Е. Львова и М.В. Челнокова — министры все-таки отыгрались. Их несколько неожиданным союзником оказался В.Б. Фредерикс.

^{XVII} Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 548.

^{XVIII} Допрос князя Н.Б. Щербатова. 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима. Т. 7. М.; Л., 1927. С. 212–213.

Уже после отъезда Кабинета из Ставки, 17 сентября, В.Б. Фредерикс, осведомленный о примирительной позиции царя, предпринял героическую, если учесть его 76-летний возраст, попытку максимально смягчить форму отрицательного ответа Николая. Посылку телеграммы Г.Е. Львову и М.В. Челнокову В.Б. Фредерикс решил заменить личной встречей с ними Н.Б. Щербатова. Союзником министра Двора оказался находившийся в Ставке двоюродный брат Николая — великий князь Дмитрий Павлович, который, по совету помощника начальника Военно-походной канцелярии царя генерала А.А. Дрентельна, просил кузена не посылать телеграмму с отказом Г.Е. Львову и М.В. Челнокову^{XIX}.

По поручению В.Б. Фредерикса состоявший при нем чиновник барон Р.А. Штакельберг отправился в Телеграфную контору Ставки к служившему там полковнику М.М. Загю. С его помощью барон сообщил об идее Фредерикса управляющему МВД во время происходившего вечером 17 сентября разговора Загю по прямому проводу с Петроградской телеграфной конторой (см. док. 19). Новый вариант решения вопроса о депутатии содержала телеграмма Фредерикса Щербатову, посланная в 23 часа 17 сентября (см. док. 18). Текст этой телеграммы министр Двора доложил императору на следующий день, 18 сентября. Поставленный перед совершившимся фактом, Николай согласился с действиями Фредерикса, тем более что они соответствовали примирительным настроениям самого царя. В тот же день он поручил графу телеграфировать о своей воле И.Л. Горемыкину и Н.Б. Щербатову (см. док. 20 и 21). Получив телеграммы В.Б. Фредерикса, управляющий МВД и премьер информировали о них друг друга (см. док. 23 и 24). В ответной телеграмме министру Двора Н.Б. Щербатов уведомил, что вызовет к себе Г.Е. Львова и М.И. Челнокова в ближайшее же время (см. док. 22). Действительно, уже 18 сентября Львов и Челноков получили по телеграфу приглашение явиться к управляющему МВД. Одновременно его секретарь М.В. Яблонский по приказу шефа попросил Р.А. Штакельберга выслать Н.Б. Щербатову текст обращения руководителей союзов к императору, что барон и сделал на следующий день (см. док. 25 и 26). Очевидно, управляющий МВД хотел общаться с оппозиционерами на их языке.

Встреча Щербатова с Львовым и Челноковым произошла 20 сентября в Петрограде. Князь объявил собеседникам, что царь, «высоко ценя труды и заслуги союзов, проявленные ими в настоящую войну, не находит, однако, возможным принять депутацию съездов по вопросам, не входящим в прямые задачи Земского и Городского союзов». Таким образом, вопреки царскому повелению, в качестве канвы своего обращения управляющий МВД использовал проект телеграммы, составленный им, а не И.Л. Горемыкиным. Далее Н.Б. Щербатов сообщил, что монарх «считает ненормальным вторжение в политику с обходом правительства», а потому, не принимая депутацию, тем не менее, приказал управляющему МВД встретиться с руководителями союзов, узнать пожелания съездов и доложить о них на очередном всеподданнейшем докладе. Г.Е. Львов попросил зафиксировать этот ответ на бумаге, но Щербатов заметил, что ему повелено передать ответ на словах. Львов заявил, что не решится сообщить представителям земств известие об отказе, и выразил надежду, что царь немедленно примет депутацию, так как отказ «глубоко опечалит страну». Собеседники пришли к соглашению, что Щербатов доложит суверену ответ собеседников и сообщит им о его решении^{XX}. В тот же день о факте переговоров с оппозиционерами управляющий МВД сообщил Горемыкину (см. док. 27).

Во время встречи с Николаем, состоявшейся 25 сентября в Ставке, Н.Б. Щербатов сообщил о надежде Г.Е. Львова на то, что монарх все-таки примет депутацию. Царь

^{XIX} Мария Павловна (младшая). Мемуары. М., 2003. С. 195.

^{XX} Из доклада членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С. 58–59.

ответил, что «вопрос о депутации считается ликвидированным»^{XXI}. Отказ Николая от приема депутации означал, по крайней мере — с точки зрения самого царя, не полный разрыв между ним и союзами, а попытку вернуть их в рамки закона, за которые они вышли, позволив себе заниматься не только благотворительной, но и политической деятельностью. Не случайно, что опубликованная 28 ноября 1915 г. резолюция царя на адресованном ему приветствии входившей в Городской союз Петроградской городской думы гласила: «Благодарю за верноподданнические чувства и выражаю уверенность, что Петроградское общественное управление, не отвлекаясь вопросами общегосударственной политики, приложит все силы к служению мне и Родине живой работой на пользу населения столицы в настоящее, тяжелое для нее время»^{XXII}. Царь являлся сторонником сотрудничества правительства и союзов, но только в рамках Основных законов, которым явно противоречили резолюции сентябрьских съездов.

Поскольку деятельность союзов не переходила из области благотворительности в политику, на что они не имели законного права, постольку Николай был готов оказывать общественным организациям самое широкое содействие. На той же точке зрения стоял и преемник Н.Б. Щербатова — А.Н. Хвостов, назначенный управляющим МВД в конце сентября 1915 г. Его программа в части, касавшейся союзов, состояла в том, чтобы «излишним стеснением свободы их деятельности не раздражать общественных кругов»^{XXIII}. На заседании правительства 13 октября Хвостов, обрисовывая свое отношение к союзам, заявил: «Нежелательно обострение отношений с Земской и Городской организацией. Я вообще против их усиления — государственная опасность. Но их пустили к широкому участию и сейчас поздно их устранять. Поэтому надо пропустить к беженцам, передав им ведение и средства, а равно составление плана, но не союзам, а общественным учреждениям непосредственно. Оставить за губернаторами право контроля, хотя бы распорядились объединяющие союзы, если города и земства передадут свои полномочия союзам»^{XXIV}. Таким образом, Хвостов был за расширение компетенции общественных организаций, поддержав идею о привлечении их к оказанию помощи не только больным и раненым воинам, но и беженцам. Об этом он объявил и Г.Е. Львову, беседуя с ним 16 октября^{XXV}. Вместе с тем, мнение о «государственной опасности» союзов заставляло А.Н. Хвостова устранять поводы для их политической деятельности.

Съезды союзов, намеченные сначала на октябрь, а потом на декабрь 1915 г., министр внутренних дел не допустил. В этом решении не содержалось ничего антиобщественного. В пользу него высказывались умеренные участники сентябрьских съездов^{XXVI}. А.Н. Хвостов заявил себя, также, сторонником возвращения продовольственного дела из ведомства А.В. Кривошеина — Главного управления землеустройства и земледелия (с октября 1915 г. — Министерства земледелия), которое сотрудничало с Земским союзом, в МВД. На посту председателя Особого совещания по продовольствию А.В. Кривошеин оказывал союзам содействие по распространению их компетенции на продовольствен-

^{XXI} Из доклада членов депутации, избранной собранием уполномоченных губернских земств 9 сентября 1915 г. С. 59; Дневники императора Николая II. С. 549.

^{XXII} [Воейков В.Н.] С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II В.Н. Воейкова. М., 1994. С. 94.

^{XXIII} Показания С.П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 121.

^{XXIV} Запись заседания Совета министров 13 октября 1915 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 290.

^{XXV} Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 264.

^{XXVI} Донесение начальника Московского охранного отделения директору Департамента полиции о Городском съезде. 8 сентября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С. 56.

ное снабжение. С подачи А.Н. Хвостова М.М. Андроников информировал императрицу в октябре 1915 г., что А.В. Кривошеин в качестве председателя Особого совещания «сознательно помогает передаче всего продовольственного дела в руки Земского и Городского союзов». Подразумевая продовольственное дело, князь отмечал, что Кривошеин, преследуя цели, которыми «руководствуются Гучков и разные другие деятели Городского и Земского союзов», «помогает Союзу захватить продовольствие населения в свои руки и этим еще более укрепить его положение в политической жизни страны»^{xxvii}. Замысел А.Н. Хвостова благодаря сопротивлению преемника и единомышленника А.В. Кривошеина, А.Н. Наумова, воплощения не получил (см. док. 29).

Новый этап в отношениях союзов и правительства начался после состоявшейся в январе 1916 г. замены И.Л. Горемыкина Б.В. Штюрмером, который, выполняя волю Николая, выступал за сотрудничество с оппозицией на базе Основных законов, исключавшее вмешательство благотворительных организаций в политику. В речи, произнесенной новым премьером при посещении 25 января 1916 г. МВД, он вспомнил тот «подъем духа», с которым работал в Тверском земстве «в полном единении со всеми местными земскими деятелями, без всякого различия партий и групп». Штюрмер вспомнил и свою службу на посту ярославского губернатора, протекавшую «в полном согласии с местными общественными учреждениями». Недоброжелатель Б.В. Штюрмера, военный министр А.А. Поливанов, признавал, что в посещении МВД и сказанной там речи «содержался намек» «на желание, прежде всего, сохранить согласие с общественными учреждениями». При посещении 1 февраля Министерства земледелия Б.В. Штюрмер поставил в заслугу этому ведомству «уменьше привлечь к осуществлению своих заданий местные общественные силы и дружно с ними работать»^{xxviii}. Ярче всего благожелательное отношение Штюрмера к оппозиции доказывалось тем, что его кабинет увеличил отпускавшиеся союзам казенные субсидии.

Финансирование оппозиционных организаций Б.В. Штюрмер осуществлял, игнорируя недовольство этим со стороны крайне правых, в частности — председателя Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тихановича-Савицкого (см. док. 30). Дистанцируясь от черносотенцев, новый премьер, по получении, в начале марта 1916 г., портфеля министра внутренних дел, пошел на разрешение очередных съездов союзов. Демонстративно примирительное отношение правительства к этим организациям объяснялось позицией не только Штюрмера, но и монарха. Телеграммы Николая, адресованные съездам, соблюдали декорум благоволения, хотя царь не испытывал иллюзий относительно лояльности руководителей союзов^{xxix}. Как же реагировали общественные организации на примирительные жесты, делавшиеся властью?

Состоявшиеся 12–14 марта Земский и Городской съезды приняли резолюции о необходимости отставки кабинета Б.В. Штюрмера. Первый съезд высказался за замену его «министерством доверия», а второй — «ответственным министерством»^{xxx}. Таким образом, общественные организации не только снова вмешались в политику, но и публично признали, что их цель — упразднение порядка управления, провозглашенного Основными законами. Подобное признание было равносильно призыву к государственному перевороту. По мнению лидера кадетов П.Н. Милюкова, переход к «формуле ответвен-

^{xxvii} «Успокоения нечего ожидать». С. 29, 30.

^{xxviii} Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня 1915 – 15 марта 1916 г.) / Публ. В.В. Поликарпова // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 132; 1994. № 10. С. 135.

^{xxix} Лемке М.К. 250 дней в Царской Ставке. Пб., 1921. С. 630, 631.

^{xxx} О мартовских съездах Земского и Городского союзов см.: Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. С. 173–178, 191–192.

ного министерства уже означал совершенно открытый разрыв со всякого рода мирными путями»^{XXXI}. Политическая опасность общественных организаций начинала перевешивать их функциональную пользу.

Нарастание оппозиционности союзов обусловило то, что правительство Б.В. Штюрмера, по-прежнему финансируя их специальную деятельность, начало налагать на нее ограничения, которые минимизировали бы вмешательство союзных учреждений в политику. Цель эту подразумевал Особый журнал Совета министров 7 апреля, утвержденный царем 10 апреля 1916 г. Ссылаясь на условия военного времени, Особый журнал запретил на будущее проведение всех вообще съездов^{XXXII}. Казалось бы, вот яркое доказательство того, что Б.В. Штюрмер боролся с общественными организациями. Но запрещение съездов нельзя рассматривать как антилиберальную акцию хотя бы потому, что оно затронуло не только левых, но и правых. После назначения Б.В. Штюрмера министром внутренних дел в его руки попала выписка из перлюстрированного письма Н.Н. Тихановича-Савицкого председателю Одесского союза русского народа Н.Н. Родзевичу от 14 апреля 1916 г. В письме Тиханович-Савицкий, носившийся с мыслями о превращении Думы в законосовещательное учреждение и созыве съезда черносотенных организаций, попытался подвести под эти мысли обширную мотивацию (см. док. 31). Отрицательное отношение Б.В. Штюрмера к точке зрения Н.Н. Тихановича предопределила докладная записка, составленная, судя по всему, не без участия ближайшего советника премьера — члена Совета министра внутренних дел И.Я. Гурлянда. В записке планы Тихановича были полностью развенчаны (см. док. 32).

Фактически постановление 7 апреля 1916 г. в полном объеме никогда не действовало. Сразу после его принятия правительство стало делать исключения в пользу тех организаций, которые возглавлялись оппозиционерами или имели их в своем составе^{XXXIII}. Наложив запрет на съезды союзов, Особый журнал 7 апреля ни в коей мере не стеснил развитие сети их местных учреждений^{XXXIV}. По отношению к оппозиции Б.В. Штюрмер придерживался наступательной тактики ровно настолько, насколько ее придерживалась оппозиция. Тем не менее, в глазах руководителей союзов он дискредитировал себя окончательно.

Преемник Б.В. Штюрмера А.Ф. Трепов, получивший премьерство в ноябре 1916 г., идя навстречу оппозиции, способствовал распространению земского самоуправления вглубь. Это подтвердило рассмотрение кабинетом вопроса о создании волостного земства. Хотя правительство разработало соответствующий законопроект и могло проигнорировать его думскую редакцию, министры приняли ее за основу. Думская редакция, в отличие от правительственной, допускала соединение в одном учреждении административно-полицейских и хозяйственных функций, сторонником чего был управляющий МВД А.Д. Протопопов, ненавистный для союзов, а противником — А.Ф. Трепов, ориентировавшийся на Думу. Пытаясь удовлетворить оппозицию отставкой Протопопова, премьер, однако, при проведении конкретных пунктов программы Прогрессивного блока был консервативнее управляющего МВД (см. док. 35). В ходе рассмотрения в ка-

^{XXXI} Показания П.Н. Милокова. 7 августа 1917 г. // Падение царского режима. Т. 7. С. 335.

^{XXXII} Особый журнал Совета министров 7 апреля 1916 г. «По вопросу о приеме английских и французских представителей печати, выразивших желание посетить Россию» // РГИА. Ф. 1276. Оп. 20. Д. 107. Л. 75–76.

^{XXXIII} Записи заседаний Совета министров 15 и 29 апреля и 13 мая 1916 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 328, 332, 337.

^{XXXIV} А.В. Степанов — А.И. Пильцу. 24 мая 1916 г.; А.В. Степанов — А.И. Пильцу. 31 мая 1916 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С. 105.

бинете законопроекта о волостном земстве возобладала точка зрения А.Д. Протопопова, возведенная в Думе 5 декабря его заместителем С.А. Куколем-Яснопольским. «Ввиду исключительного значения этой реформы, — заявил он, — правительство считает долгом своим не отстранять себя в данном случае от обсуждения этого вопроса в Государственной думе»^{xxxv}.

Параллельно правительство рассмотрело ходатайство черносотенных лидеров о разрешении созыва в конце ноября или в декабре 1916 г. Съезда монархических единений. Крайне правые запланировали его в качестве противовеса акциям оппозиции. Кабинет, указав на то, что «созыв всякого рода съездов признан, во время войны, в общем недопустимым», не усмотрел «достаточных оснований для отступления от объясненного общего начала»^{xxxvi}. Черносотенцы получили отказ, а потому активизировали свою деятельность. Ее характерное проявление — телеграмма Николаю Н.Н. Тихановича-Савицкого, посланная также А.Д. Протопопову, А.Ф. Трепову и В.Б. Фредериксу. Н.Н. Тиханович, указав на антидинастические речи астраханского городского головы П.С. Кравченко, члена Городского союза, призвал императора к осуществлению крайне правого курса и решительному подавлению оппозиции, гнездившейся, прежде всего, именно в союзах, руководители которых, по сведениям автора телеграммы, готовили переворот (см. док. 33). За спиной Тихановича-Савицкого стоял назначенный член правой группы Государственного совета Н.А. Маклаков. Содержание телеграммы А.Ф. Трепов доложил императору 10 декабря (см. док. 34).

Рекомендациям Н.Н. Тихановича Николай, в отличие от Александры Федоровны, не придал никакого значения. Соглашаясь с тем, что А.И. Гучкова, Г.Е. Львова и П.Н. Милюкова за их антиправительственную деятельность надо «сослать в Сибирь», императрица писала мужу: «Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена. Отчего ты не смотришь на это дело так, я, право, не могу понять»^{xxxvii}. Однако мнению жены Николай тоже не придал никакого значения. Несмотря на рост оппозиционности союзов, он и правительство по-прежнему шли на сотрудничество с этими организациями и дистанцирование от черносотенного движения.

В конце декабря 1916 г. Н.Н. Тиханович приехал в столицу, чтобы открыть глаза императору на заговорщическую деятельность оппозиционеров. Ходатайствуя об аудиенции у Николая, Н.Н. Тиханович говорил подруге царской семьи А.А. Вырубовой, что «привез доказательства и документы на счет опасной пропаганды, которая ведется Союзом земств и городов с помощью Гучкова, Родзянко и других в целях свержения с престола государя». Однако от общения с астраханцем император отказался, мотивируя это тем, что «слишком занят». Побеседовать с Н.Н. Тихановичем Николай поручил императрице. Выслушав Н.Н. Тихановича, Александра Федоровна сказала Вырубовой, что «опасения его преувеличены»^{xxxviii}. Серьезность намерений лидеров оппозиции недооценивала и царица.

Н.Н. Тиханович, переоценивая значение своей миссии, встретился с А.Д. Протопоповым, которого уговаривал немедленно наказать П.С. Кравченко в назидание остальным оппозиционерам (см. док. 36). Не добившись аудиенции у монарха, Тиханович,

^{xxxv} Выступление С.А. Куколя-Яснопольского. 5 декабря 1916 г. // Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. В 4-х тт. М., 1995. Т. 4. С. 163.

^{xxxvi} А.Ф. Трепов — С.А. Куколь-Яснопольскому. 10 декабря 1916 г. // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1848. Л. 2, 5.

^{xxxvii} Александра Федоровна — Николаю II. 14 декабря 1916 г. // Николай II в секретной переписке. С. 638.

^{xxxviii} [Вырубова А.А.] Фрейлина Ее Величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М., 1990. С. 196.

однако, надеялся повлиять на него. Поэтому 30 декабря 1916 г. астраханец передал Николаю через флаг-капитана царя адмирала К.Д. Нилова письмо, которое свидетельствовало о высокой степени осведомленности его автора. «Главный комитет Союза земств и городов, руководимый Львовым, Челноковым, Астровым и другими, — говорилось в этом письме, — пользуясь попустительством властей, открыто готовит государственный переворот». Н.Н. Тиханович рекомендовал «разогнать московскую шайку и составить Главный комитет Союза земств и городов из лиц по назначению от правительства, удалив от дел весь теперешний Комитет полностью», поскольку «если шайка не будет разогнана, она сделает свое дело»^{XXXIX}. Царь, однако, придерживался противоположного мнения, наложив на письме Н.Н. Тихановича следующую резолюцию: «Во время войны общественные организации трогать нельзя»^{XL}.

Таким образом, на рубеже 1916–1917 гг. Николай по-прежнему стремился к сотрудничеству с общественными организациями, хотя о подготовке их руководителями заговора против него монарху было хорошо известно. В то же время это сотрудничество мыслилось императору, как и ранее, только в рамках закона, не предусматривавшего вмешательства органов местного самоуправления в политику. Между тем, лидеры союзов постоянно содействовали их политизации. Мерой, направленной на предотвращение этого, стал циркуляр А.Д. Протопопова от 11 января 1917 г. Непосредственной причиной появления циркуляра были настояния Н.Н. Тихановича о привлечении к ответственности П.С. Кравченко. Циркуляр предписывал губернаторам и градоначальникам привлекать к ответственности председателей городских дум и земских собраний за вынесение ими политических резолюций противоправительственного содержания^{XLI}.

В данном случае Протопопов боролся не против общественных организаций вообще, а лишь против их политической деятельности, будучи при этом исключительно на почве закона. Поэтому данная мера не встретила поддержки у Тихановича. Полагая, что циркуляр «не достигнет цели», он телеграфировал министру внутренних дел 21 января: «Невозможно с революционерами, уверенными, что через два-четыре месяца они станут господами положения, бороться путем эволюционным. Представить о них в Сенат или привлекать по Городовому положению — не страшно и затянет дело, сейчас нужны радикальные устрашающие меры»^{XLII}. Настояния Н.Н. Тихановича ни к чему не привели, поскольку его экстремистские взгляды ни А.Д. Протопопов, ни царь не разделяли. Существование разницы во взглядах между политиками высшей бюрократии, с Николаем во главе, и лидерами черносотенного движения, на примере отношения к союзам, и докзывают публикуемые документы.

^{XXXIX} Н.Н. Тиханович-Савицкий — Николаю II. 30 декабря 1916 г. // Правые партии. Документы и материалы / Публ. Ю.И. Кирьянова. В 2-х тт. М., 1998. Т. 2. С. 604–606. О политической активности Н.Н. Тихановича-Савицкого в конце 1916 — начале 1917 г. см. также: *Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф.* Российская государственность и Первая мировая война // 1917 г. в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 28–31.

^{XL} *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. С. 203.

^{XLI} Циркуляр А.Д. Протопопова от 11 января 1917 г. // ГАРФ. Ф. 1467 (Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства). Оп. 1. Д. 782. Л. 14–16.

^{XLII} Н.Н. Тиханович-Савицкий — А.Д. Протопопову. 21 января 1917 г. // Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 619.

1.

Н.И. Туган-Барановский¹. Записка по некоторым,
связанным с войною, вопросам внутренней политики

30 августа 1915 г.

События внутренней политической жизни Империи идут вперед с чрезвычайной быстротой, причем развиваются уже вне зависимости от тех или иных отдельных военных обстоятельств, но в значительной степени под влиянием настроений, проявляющихся в Государственной думе и общественных организациях и поддерживаемых оппозиционной печатью. Голоса оппозиции неустанно твердят, что правительство все испортило в военном отношении и совершенно несостоятельно в гражданском. Этим путем, при наличии бывших военных неудач, из центра сеялась и сеется в умах как вообще населения, так и армии все более и более глубокая смута. На местах еврейская пресса и оппозиционные элементы действуют в том же направлении. Так создается общественное мнение, требующее ответственного перед страной — т. е. перед Государственной думой — министерства. Еще в Думе первого созыва Партией народной свободы был провозглашен принцип, согласно которому власть управления должна подчиниться власти законодательной, разумея под последней Государственную думу. Ныне соответствующие думские партии во главе с председателем Думы и вся оппозиция стараются провести это в жизнь. Для этого призываются и общественные управления столиц, и торгово-промышленные организации, а ныне — и так называемый «Прогрессивный блок» членов законодательных палат. Удар, в сущности, направлен против ст[атьи] 10 Основных государственных законов², причем, в качестве первого шага ставится требование сохранения деятельности Думы и образования министерства, «пользующегося доверием страны».

В Государственной думе доминирующее значение получила Фракция народной свободы (кадетская). Несомненно влияние ее на октябристов и даже некоторых правых³. Знаменательно избрание Шингарева⁴ и Посникова⁵ для председательствования в важнейших думских комиссиях, причем едва ли можно серьезно говорить о том, что в данном случае между партиями было осуществлено соглашение на равных основаниях.

Ведут страну к выполнению своей программы (при постоянной поддержке левого центра) кадеты, о чем председатель Фракции народной свободы Милюков⁶ уже счел возможным прямо заявлять в публичных беседах. Несомненно, что эта партия приобрела со времени 1905 г. в деле достижения своих целей значительную политическую опытность.

Как это ни горько, но в Думе совершенно не слышно уверенных и сильных заявлений правительства. Члены Думы обвиняли правительство в военных неудачах и во внутренних неурядицах, — оно иногда оправдывалось, признавало свою вину и не возражало против необходимости новой системы управления, по указанию Думы⁷. Об этом оповещается страна и, конечно, при таких условиях руководящая роль в ней переходит к Думе. Невольно возникает вопрос, насколько под давлением действительной необходимости допущено то глубокое колебание власти, которое мы видим?

Быть может, существующая смута есть необходимое последствие развивающихся исторических условий жизни нашего отечества? Быть может, страна стоит перед революцией, и смута эта, ведущая только к господству Кадетской партии, — все-таки лучше, чем анархия, в борьбе с которой правительству необходимо иметь опору в лице думского большинства? Едва ли это так.

Несомненно, в государстве имеются беспокойные элементы, представляющие более или менее существенную ближайшую опасность. Сюда относятся, прежде всего, фабричные и заводские рабочие, вообще революционно настроенные. Засим сюда же относятся те разного рода низшие служащие, заработок которых в настоящее время не увеличился, — они более всего испытывают на себе тяжесть войны. Наконец, таковыми элементами являются разного рода политиканствующие, оторванные от земли или какого-либо другого постоянного дела лица, главным образом, из числа представителей так называемых свободных профессий. Эти люди, имеющие, в большей части, у себя в руках прессу, являются главными заводителями смуты. К оппозиции примыкают и некоторые др[угие] общественные элементы, стремящиеся к власти, ради достижения своих личных, нередко корыстных, выгод: представители крупной промышленности, представители денежного капитала, банков и т. п.

Но этим элементам, самим по себе, казалось бы, не следует придавать в данном случае чрезмерного значения. Представители свободных профессий имеют значение, главным образом, лишь постольку, поскольку обладают влиянием на более многочисленные трудящиеся классы населения, промышленные же круги, конечно, не решатся на революционные действия, т. к. революция была бы, прежде всего, убыточной для них самих. Выступления последних возможны только при слабости правительства. Как эти круги, так и вообще массы населения, прямо не заинтересованные в насильственном изменении существующего строя, при твердой власти не решатся на противодействие ей. Что же касается упомянутых рабочих, то, конечно, масса их способна к активному выступлению, но теперь, во время войны, они не более к этому готовы, чем в мирное время. Средства воздействия на нее остаются теми же: улучшение экономического положения и воздействие сильной власти. Последнее — совершенно необходимое в настоящее время, когда забастовки могут неблагоприятно отразиться на деле государственной обороны, — может, несомненно, удержать рабочих в границах порядка ныне, когда экономическое положение рабочего класса отнюдь не является действительно тяжелым.

Главную массу населения Империи составляет крестьянство. Настроение его, конечно, несколько повышено, в связи с войною, вообще, и с военными неудачами, в частности. Но насколько можно судить из всех имеющихся данных, эта часть населения пока совершенно далека от возможности революционных выступлений. По сравнению с 1905 г. ныне имеются существенные отличия: национальный характер войны, уничтожение пьянства⁸ и, наконец, уже выявившийся, хороший урожай (хотя его значение несколько ослабляется неблагоприятными в этом году условиями уборки). Если засим для городского трудящегося населения представляет существенную тяжесть вздорожание жизни, то необходимо иметь в виду, что заработная плата рабочих, в общем, чрезвычайно увеличилась, причем получаемые деньги, не расходуемые на спиртные напитки, несомненно, идут, независимо сбережений, также и на улучшение экономических условий жизни.

Доказательством этого является громадное увеличение вкладов в сберегательные кассы, постоянная наличность в кредитных товариществах (как сельских, так и городских) свободных средств и, наконец, существенное повсеместное расширение деятельности потребительских обществ. При таких условиях, в чем же можно видеть доказательства ближайшей, вследствие военных обстоятельств, опасности потрясения государственного организма Империи.

Для оценки возможности успешного выступления против правительства тех или иных частей населения, с одной стороны, и возможности для правительственной власти их предупредить или подавить — с другой, надлежит, казалось бы, иметь в виду, что, даже при наличии действительных оснований для недовольства против правительства, успешные активные выступления возможны лишь в тех случаях, когда власть инертна и не имеет точки опоры в стране. Между тем, не следует забывать, что преданность Государю еще твердо живет в массах населения, причем расшатывание исконных в этом отношении начал Русской земли, идущее со стороны так называемой интеллигенции, осталось мало действительным в отношении большинства сидящего на земле дворянства и крестьянства. Крепки еще указанные начала и в низших промышленных и торговых классах и, наконец, в служилых людях, в т. ч. — и в армии. Однако, против этой преданности, несомненно, идет агитация. Здесь особенно опасна инертность правительства.

Агитация эта, не касаясь в большинстве случаев прямо Особы Монарха, сводится к насколько возможно большему расшатыванию достоинства власти и уважения к ней. Значение всякой ошибки или недосмотра, или непорядка усиливается, причем все отрицательные результаты ставятся в связь с необходимостью общей политической перемены. Основной мыслью этой агитации является то положение, что все спасение страны в гражданском отношении заключается в Государственной думе и что спасение и успехи армии находятся также в зависимости от Думы.

Вся та агитация и смута, которую сеют, несомненно, должна действовать на массы населения — уже создается своего рода общественный гипноз. В значительной степени, под влиянием этого гипноза, созданся и ведомый кадетами «Прогрессивный блок». Для удобства дальнейшей агитации твердо проводится мысль о необходимости уменьшения силы административной власти и свободе печати. Затем, конечно, пойдут свободы собраний, союзов и т. п. При движении в этом направлении смута будет расти и развиваться. Люди безразличные, слабые и колеблющиеся, которых, к сожалению, слишком много, пойдут за теми, кои на них будут влиять видимостью силы и убеждения. Всякий шаг, всякая уступка будут способствовать дальнейшим шагам и уступкам, создавая затруднения для поворота назад. Достойно внимания, насколько смута продвинулась вперед и положение стало более трудным со времени созыва Государственной думы. Народные массы, сами по себе устойчивые, могут в будущем пойти за оппозиционным течением, если оно не встретит твердого противодействия.

Инертность правительственной власти в сем случае может привести к самым тяжелым результатам. Величайшая опасность для государства заключается не в нашествии неприятеля — т. к. при длительной войне наша обеспеченность личным составом и сырьем всякого рода должна привести к победе, — но в тех смутах внутри, которые уже подрывают и могут, при благоприятных для них условиях,

широко и глубоко развиться. Надлежит иметь в виду, что охранение в Империи порядка и силы власти необходимо для самой победы.

Великим счастьем было вступление Государя Императора в верховное командование армиями⁹. Этим путем сила армий, сосредоточиваясь в лице Монарха, явилась также и средством обуздания оппозиционных выступлений, — понятно, почему так этого боялась оппозиция.

Ныне желательно было бы правительство с особо твердым направлением. Работу Государственной думы пока желательно ограничить рассмотрением внесенных в нее правительством военных законопроектов и деятельностью отдельных ее членов во вновь организованных совещаниях по государственной обороне. Печать должна быть под постоянным надзором сильной власти, не разрешающей выпадов, имеющих целью дискредитировать власть и вообще сеять смуту. Все те всякого рода съезды, которые могут ее сеять, не должны разрешаться¹⁰, причем должны подавляться твердой рукою и всякие беспорядки аграрного, экономического или политического свойства. Наряду с сим, желательно принимать все зависящие меры к урегулированию экономических отношений населения, — особенно для защиты бедных в случаях дороговизны жизни¹¹. Население Империи должно быть оповещено о необходимости твердого и сильного правительства, т. к. военные обстоятельства требуют дисциплины не только на фронте, но и внутри страны. Желательно указать, что разрешение спорных вопросов внутреннего управления, могущих возбудить классовые разногласия, должно быть отложено до окончания войны, т. к. разногласия эти и связанные с ними выступления и столкновения, сея смуту, неуверенность и смущение в отдельных частях населения, могут только отрицательно отразиться на главной задаче — победе над врагом, к которой должны быть направлены все усилия; по окончании же войны вопросы внутреннего строительства будут представлены правительством в законодательные учреждения для широкого суждения в мирной и спокойной обстановке. До тех пор все выступления в этом отношении в ту или иную сторону допускаться не будут.

Время еще есть. Пока народные массы еще не заколыхались и армия вне подозрения, твердая власть, казалось бы, может сохранить в стране порядок, для победы и спокойного развития страны, без колебания исконных начал власти Государей наших.

РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 235. Л. 1–3, 6. Машинопись.

2.

Письмо Н.И. Туган-Барановского С.В. Рухлову¹²

31 августа 1915 г. Петроград.

Ваше Высокопревосходительство Милостивый Государь, Сергей Васильевич. Имею честь представить при сем Вашему Высокопревосходительству копию записки, представленной мною по примеру прежних записок¹³. Обязуюсь доложить, что организации в Москве и Петрограде идут, по-видимому, вполне успешно¹⁴. Во всяком случае, в обоих городах уже обеспечено, в случае необхо-

димости, их выступление, причем подготовительные распоряжения в Москве уже закончены, в Петрограде же — заканчиваются. В совещаниях у Б[алаше]ва¹⁵ удалось побудить правых националистов выступить в Думе с определенным заявлением. Как изволите знать, это выступление уже состоялось.

Ныне наблюдается у правых организаций несколько улучшенное настроение. Вас многие здесь ждут и искренно сожалеют о Вашем нездоровьи.

По имеющимся у меня агентурным данным, я думаю, что выступления рабочих, в сколько-нибудь значительных размерах, ожидать нельзя, почему и бывшие опасения такового выступления являются преувеличенными. Я видел Алекс[андра] Вас[ильевича Кривошеина]¹⁶, который, как мне показалось, лично не в радужном настроении.

Покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в глубоком уважении [и] в искренней преданности.

Вашего Высокопревосходительства покорный слуга

Н. Тут[ан-]Баранов[ский].

РГИА. Ф. 1576. Оп. 1. Д. 235. Л. 4–4 об. Машинопись с подписью-автографом.

3.

Телеграмма И.Л. Горемыкина¹⁷ графу В.Б. Фредериксу¹⁸

1 сентября 1915 г. 6 ч. 50 м. Петроград.

Во исполнение высочайшего повеления мною преподаны управляющему Министерством внутренних дел подлежащие указания и им сделаны, в дополнение к соглашению с генералом Фроловым¹⁹, соответственные распоряжения по городу Москве и местностям вне театра войны. Прошу доложить государю императору, что на предстоящие в Москве Земский и Городской съезды управляющим Министерством внутренних дел будут командированы особые представители с поручением озаботиться недопущением на этих съездах прений и резолюций, выходящих за пределы непосредственных задач таковых собраний. Скорейшее прибытие в Москву генерала Мрозовского²⁰ представляется, по моему мнению, вопросом настоятельной необходимости. По заявлению князя Щербатова²¹, город Москва и Московский уезд в отношении охраны порядка находятся за недостаточностью полицейской и военной силы в угрожаемом положении.

Статс-секретарь Горемыкин.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 1–1 об. Телеграфный отпуск.

4.

Телеграмма князя Н.Б. Щербатова Николаю II¹

10 сентября 1915 г. 14 ч. 00 м. – 21 ч. 12 м. Петроград.

Всеподданнейше докладываю Вашему Императорскому Величеству: оба съезда в Москве, Общеземский и Общегородской, закрылись 9 сентября вечером, не вызвав каких-либо осложнений. Общеземский съезд принял следующую резолюцию: «В грозный час народного испытания мы, собравшиеся в Москве уполномоченные губернских земств, объединившихся в Всероссийский земский союз, сохраняем непоколебимую веру в силу и доблестный дух родной армии и твердо уповаем на конечную победу, до которой о мире не должно и не может быть речи. Проникнутые сознанием великой ответственности перед отечеством, которая должна объединить всех его сынов, мы будем с неослабным напряжением продолжать развивать нашу работу на пользу армии. Но, будучи убеждены в возможности полного одоления врага, мы с тревогой видим надвигающуюся опасность гибельного разрушения того внутреннего единства, которое было провозглашено в самом начале войны с высоты престола, как верный залог победы. Опасность эта устранима лишь обновлением власти, которая может быть сильна только при условии доверия страны и единения с законным ее представительством. Незаменимая работа Государственной думы по усилению обороны вселяла бодрость и уверенность в успехе не только в глубинах народных, но в самой армии. В единении с желаниями страны Государственная дума наметила все пути, которые могут вывести Россию из ниспосланных ей испытаний. Но правительство не пошло на единение с Государственной думой в ее небывало единомышленных стремлениях, оно отвергло их и прервало ее деятельность, столь желанную всей стране²². Необходимое для победы взаимодействие общественных и правительственных сил не осуществилось. Мы видим и чувствуем, как глубоко потрясено этим общественное сознание. Это обязывает нас вновь указать на необходимость скорейшего возобновления занятий Государственной думы, которая одна может дать незыблемую опору сильной власти. Тогда только проявятся во всей полноте силы русского народа и его способность выдерживать самые тяжкие испытания. В сознании великой ответственности и долга перед родиной, пусть каждый из нас удвоит свои усилия, необходимые для достижения общей цели — победы, и в дальнейшей напряженной работе да сохраняются нужные для спасения родины порядок и самообладание».

Резолюцию эту решено представить Вашему Императорскому Величеству через депутацию в составе князя Львова²³, председателя Орловской губернской земской управы Маслова²⁴ и уполномоченного Екатеринославского земства Каменского²⁵, октябриста, бывшего члена 3 Думы. Закрывая Съезд, князь Львов предложил провозгласить ура Царю. Все поднялись с мест и провозгласили трехкратное ура.

¹ В начале данного документа имеется сделанная синим карандашом резолюция Николая II: «Этих самозванных уполномоченных я конечно не приму, о чем известите Щербатова». Чернильная контрассигнатура министра Двора гласит: «Собственно Его Величества рукою начертано: “Этих самозванных уполномоченных я, конечно, не приму, о чем известите Щербатова”. Генерал-адъютант граф Фредерикс. 11 сентября 1915 г. Царская Ставка».

Общегородской съезд большинством всех голосов против одного принял следующую резолюцию: «Съезд представителей городов России считает своим святым долгом в минуту тяжких испытаний горячо приветствовать нашу стойкую, доблестную родную армию. Пусть знает она, что все мысли и чувства граждан России слиты в стремлении к победе и страстном желании всеми силами помочь героям в тяжелой борьбе, выпавшей на их долю. По-прежнему исполнен русский народ решимости довести войну до конечной победы в тесном единении с нашими верными союзниками. Роковым препятствием на пути к конечной победе стоят все те же старые пороки нашей государственности — безответственность власти и ее оторванность от страны. Необходим решительный честный поворот на новый путь. Это требует долг перед родиной. На смену нынешнего правительства должны быть призваны люди, облеченные доверием народа. Творческая работа народного представительства должна быть возобновлена безотлагательно, а внутренний мир, духовное единство в стране, эти верные условия победы, должны быть обеспечены примирением — забвением прошлой политической борьбы и равенством всех граждан перед законом. Представители городов России, с твердой верой в будущее родины, с полным самообладанием, в спокойном сознании своей правды и силы будут продолжать вместе со всей страной свою неустанную объединяющую работу в помощь армии, памятуя, что всякий час перерыва работ отдалает достижение победы. Съезд представителей городов России поручает особой депутации из трех лиц совместно с представителями Всероссийского земского союза довести до сведения Государя Императора о тревогах и чаяниях, волнующих страну, и представить мнение Съезда о необходимости доведения войны до победного конца, незамедлительного восстановления работы в законодательных учреждениях и призыва к власти людей, пользующихся доверием страны». В депутацию избраны Челноков²⁶, Рябушинский²⁷ и Астров²⁸, избранный вместо забаллотированного как слишком правого Александра Ивановича Гучкова²⁹. Постановления съездов к оглашению в печати не допущены.

Управляющий Министерством внутренних дел
князь Щербатов.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 26–27 об. Машинописная копия.

5.

Телеграмма И.Л. Горемыкина графу В.Б. Фредериксу

10 сентября 1915 г. 17 ч. 35 м. Петроград.

Покорнейше прошу Ваше Сиятельство доложить Его Величеству полученную мною из Москвы нижеследующую телеграмму, которую Главный совет Отечественного патриотического союза просит меня повергнуть на Монаршее благовоззрение.

«Возмущенный до глубины души революционными выкриками членов всероссийского Съезда Союза городов и Съезда Земского союза и выразив свой протест городскому голове Челнокову, допустившему на съезде поносить

правительство, говорить революционные речи, словом, точно повторяется позорной памяти 1905 г., Съезд хочет дерзнуть обратиться к монарху и представить свои преступные постановления. Русский народ не может допустить, чтобы люди, призванные только для работы на помощь правительству и доблестной армии, самозванно именуя себя народными избранниками, коим никто не давал права и полномочий вторгаться в прерогативы монарха, заниматься политикой, вносить смуту в умы народных масс, подстрекать рабочие массы к бунту и мятежам. Все правые, истинные патриоты русской земли, прекратили всякую партийную работу, но левые открыто начали выступления. Громадное большинство населения неприкосновенно к пожеланиям, настойчиво выдвигаемым самозванными представителями якобы всего народа. Мы выражаем надежду, что правительство, твердо стоя на страже законов, особенно Основных³⁰, примет решительные меры к тому, чтобы работа всего русского общества была всецело исключительно направлена в сторону борьбы с вторгшимся в пределы отечества врагом и чтобы, благодаря попустительству, не создалось в стране настроение, поведшее к событиям позорной памяти 1905 г., вследствие которого была проиграна дальневосточная война».

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 32–34. Подлинник.

6.

Всеподаннейшая записка графа В.Б. Фредерикса^{II}

10 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Статс-секретарь Горемыкин просит меня представить Вашему Императорскому Величеству следующую телеграмму, полученную им из Москвы от Главного совета Отечественного патриотического союза.

«Возмущенный до глубины души революционными выкриками членов все-русского Съезда Союза городов и Съезда Земского союза и выразив свой протест городскому голове Челнокову, допустившему на съезде поносить правительство, говорить революционные речи, словом, точно повторяется позорной памяти 1905 г., Съезд хочет дерзнуть обратиться к монарху и представить свои преступные постановления. Русский народ не может допустить, чтобы люди, призванные только для работы на помощь правительству и доблестной армии, самозванно именуя себя народными избранниками, коим никто не давал права и полномочий вторгаться в прерогативы монарха, заниматься политикой, вносить смуту в умы народных масс, подстрекать рабочие массы к бунту и мятежам. Все правые, истинные патриоты русской земли, прекратили всякую партийную работу, но левые открыто начали выступления. Громадное большинство населения

^{II} В начале записки имеется сделанная синим карандашом резолюция Николая II: «Вполне разделяю высказанные взгляды». Из чернильной контрассигнатуры министра Двора явствует: «Собственно Его Величества рукою начертано: «Вполне разделяю высказанные взгляды». Генерал-адъютант граф Фредерикс. 11 сентября 1915 г. Царская Ставка».

неприкосновенно к пожеланиям, настойчиво выдвигаемым самозванными представителями якобы всего народа. Мы выражаем надежду, что правительство, твердо стоя на страже законов, особенно Основных, примет решительные меры к тому, чтобы работа всего русского общества была всецело исключительно направлена в сторону борьбы с вторгшимся в пределы отечества врагом и чтобы, благодаря попустительству, не создалось в стране настроение, поведшее к событиям позорной памяти 1905 г., вследствие которого была проиграна дальневосточная война».

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 28. Машинопись.

7.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса князю Н.Б. Щербатову

11 сентября 1915 г. 1 ч. 25 м. Царская Ставка.

На телеграмме Вашей с резолюциями закрывшихся обоих съездов в Москве Государь Император изволил начертать следующую резолюцию: «Этих самозванных уполномоченных я, конечно, не приму», о чем повелено сообщить Вашему Сиятельству. Прошу сообщить — предположено ли непосредственное обращение уполномоченных к Его Величеству с ходатайством о приеме, которое могло бы быть еще обсуждено с председателем Совета министров и Вами.

Министр Императорского Двора граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 25. Машинописный отпуск.

8.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса И.Л. Горемыкину

11 сентября 1915 г. 1 ч. 30 м. Царская Ставка.

На переданной Вами телеграмме Главного совета Отечественного патриотического союза Государь Император изволил начертать резолюцию: «Вполне разделяю высказанные взгляды». Одновременно Его Величеством была поставлена резолюция на телеграмме управляющего Министерством внутренних дел о решениях закрывшихся обоих съездов в Москве, переданная мною по телеграфу князю Щербатову, следующего содержания: «Этих самозванных уполномоченных я, конечно, не приму». Позволяю себе высказать, что, на случай возбуждения уполномоченными непосредственно ходатайства о приеме, представлялось бы желательным иметь мнение Вашего Высокопревосходительства.

Министр Императорского Двора граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 29. Машинописный отпуск.

9.

Всеподданнейшая записка князя Г.Е. Львова и М.В. Челнокова

11 сентября 1915 г. Москва.

Состоявшееся в Москве Собрание уполномоченных губернских земств, объединившихся во Всероссийский земский союз, и Съезд представителей Всероссийского союза городов, в сознании великой ответственности и долга перед родиной, обсудив современное положение России, 9 сего сентября постановили мнение свое повергнуть на благовоззрение Вашего Императорского Величества через особую делегацию, в состав которой избраны от Всероссийского земского союза: главноуполномоченный князь Георгий Львов, председатель Орловской губернской земской управы Сергей Маслов и гласный Екатеринославского губернского земского собрания Петр Каменский и от Всероссийского союза городов: главноуполномоченный Михаил Челноков, председатель Московского биржевого комитета Павел Рябушинский и гласный Московской городской думы Николай Астров.

Всеподданнейше докладывая о состоявшемся постановлении, приемлем смелость испрашивать, не благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству о тревогах и чаяниях, волнующих страну, выслушать голос земской и городской России и повелеть явиться избранной депутации.

Главноуполномоченный Всероссийского земского союза князь Георгий Львов.

Главноуполномоченный Всероссийского союза городов Михаил Челноков.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 23–23 об. Машинопись с собственноручными подписями.

10.

Телеграмма И.Л. Горемыкина графу В.Б. Фредериксу

11 сентября 1915 г. Петроград.

По имеющимся сведениям, уполномоченные Съезда предполагают ходатайствовать о приеме их. В таком случае представлялось бы наиболее удобным им ответить через посредство Вашего Сиятельства, что Его Величество не изволит признавать возможным их принять.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 24. Машинописная копия.

11.

Телеграмма князя Н.Б. Щербатова графу В.Б. Фредериксу^{III}

13 сентября 1915 г. Ц[арская] С[тавка]. 13 сентября 1915 г. Петроград.

Вследствие нашей беседы при последнем свидании, в виду неопределенности возвращения Государя Императора, невозможности прибытия с личным докладом и сложности переживаемого момента, начинаю с завтрашнего дня высылку сообщений относительно настроения умов для доклада Государю Императору по усмотрению Вашего Сиятельства.

Управляющий Министерством внутренних дел князь Щербатов.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 10. Машинописная копия.

12.

Проект телеграммы князю Г.Е. Львову и М.В. Челнокову,
составленный И.Л. Горемыкиным

14 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Его Величество не изволил признать нужным депутации от Земского съезда и Съезда городов. Государь император повелел передать Вам, что Его Императорское Величество не изволил разрешать этим союзам и их съездам говорить от имени земской и городской России.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 13. Машинопись.

13.

Проект телеграммы князю Г.Е. Львову и М.В. Челнокову,
составленный И.Л. Горемыкиным и измененный императором
Николаем II

16 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Его Величество не признал нужным принимать депутацию Земского съезда и Съезда городов. Его Величество поручил мне передать Вам, что Он, ценя заботы и заслуги Земского и Городского союзов по призрению раненых воинов, не изволил давать право этим союзам и их съездам говорить от имени земской и городской России.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 11. Машинопись.

^{III} На телеграмме имеется чернильная помета барона Р.А. Штакельберга: «Доложено г[осподину] м[инист]ру. Бар[он] Штак[ельберг]».

14.

Памятная записка барона Р.А. Штакельберга³¹

16 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Настоящее обращение было передано г[осподину] министру [Императорского двора] статс-секретарем Горемыкиным для сообщения главноуполномоченному Всероссийского земского союза князю Львову и главноуполномоченному Союзу городов Высочайшего повеления об отклонении приема депутации.

Редакция телеграммы была составлена ст[атс]-секр[етарем] Горемыкиным.

После переговоров с пред[седателем] Совета министров и упр[авляющим] М[инистерств]ом внутренних дел г[осподином] м[инист]ром Импер[аторского] Двора было испрашено Высочайшее разрешение передать этот вопрос для объявления ответа кн[язю] Щербатову.

Редакцию своей телеграммы кн[язь] Щербатов обещал прислать к г[осподи]ну м[инист]ру для сведения.

Записано для памяти.

Церемониймейстер барон Штакельберг.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 22. Автограф.

15.

Проект телеграммы князю Г.Е. Львову и М.В. Челнокову,
составленный князем Н.Б. Щербатовым при участии
А.В. Кривошеина, А.Д. Самарина³² и А.А. Хвостова³³

17 сентября 1915 г. Петроград.

Государь император высочайше повелеть соизволил передать Вам, что Его Императорское Величество, ценя труды и заслуги Земского и Городского союзов, проявленные ими в настоящую войну, не находит возможным принять депутацию от съездов по вопросам, не входящим в задачи Земского и Городского союзов.

Управляющий Министерством внутренних дел князь Щербатов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 12. Машинопись.

16.

Письмо князя Н.Б. Щербатова И.Л. Горемыкину

17 сентября 1915 г. Петроград.

Доверительно.

Милостивый Государь, Иван Логгинович.

Возвращая при сем Вашему Высокопревосходительству проектированный текст телеграммы главноуполномоченным всероссийских Земского и Город-

ского союзов князю Львову и М.В. Челнокову, имею честь препроводить копию телеграммы, выработанной мною по соглашению с А.В. Кривошеиным, А.А. Хвостовым и А.Д. Самариным, с избежанием упоминания о «земской и городской России», как выражения доселе официально не применявшегося.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять уверение в отменном моем уважении и совершенной преданности.

Князь Щербатов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 10. Машинопись с собственноручной подписью.

17.

Проект всеподданнейшего доклада И.Л. Горемыкина, составленный И.Н. Лодыженским³⁴

Не ранее 17 сентября 1915 г. Петроград.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, по приезде моем в Царскую Ставку, передать мне некоторые адресованные на имя Вашего Величества телеграммы, а также обращенное к Вашему Величеству ходатайство главноуполномоченных всероссийских Земского и Городского союзов князя Львова и Челнокова о приеме Вашим Величеством депутатий, избранных бывшими в Москве съездами представителей названных союзов. Проектированный мною от имени министра Императорского двора ответ князю Львову и Челнокову с отклонением их домогательств повергался мною на Всемиловейшее Вашего Величества благоволение и, удостоенный Высочайшего одобрения Вашего Величества, был мною передан генерал-адъютанту графу Фредериксу. Затем, генерал-адъютант граф Фредерикс, в виду ожидавшегося прибытия в Ставку управляющего Министерством внутренних дел, испросил соизволения Вашего Величества на возложение посылки ответной телеграммы на камергера князя Щербатова. После того, во время обеда 16 сего сентября, Ваше Императорское Величество, вновь возвращаясь к вопросу о посылке телеграммы и к обсуждению ее текста, изволили Всемиловейше указать мне на желательность включения в телеграмму признания забот и заслуг Земского и Городского союзов по призрению раненых воинов. Таковое Высочайшее указание было мною в точности исполнено и исправленный проект телеграммы был мною передан управляющему Министерством внутренних дел.

Ныне, по возвращении в Петроград, мною получено от камергера князя Щербатова письмо (от 17 сего сентября), с возвращением проектированного мною и одобренного Вашим Величеством текста телеграммы и с препровождением другого проекта этой же телеграммы, выработанного, по удостоверению камергера князя Щербатова, им по соглашению с статс-секретарем Кривошеиным, сенатором Хвостовым и в должности егермейстера Самариным. Из сличения двух прилагаемых у сего проектов Вашему Императорскому Величеству благоугодно будет усмотреть существенное отличие текста выработанного камергером князем Щербатовым проекта, причем сенатор Хвостов мне заявил, что он не принимал

участия в редактировании этого последнего проекта. Не имея, в существе, возражений против редакции, предлагаемой управляющим Министерством внутренних дел, долгом поставляю всеподданнейше доложить Вашему Императорскому Величеству, что заключавшееся в первоначальном проекте упоминание о «земской и городской России», отвергнутое камергером князем Щербатовым, как выражение, доселе официально не применявшееся, соответствует однородному выражению, употребленному князем Львовым и Челноковым в их ходатайстве. За всем тем, я находил бы совершенно нежелательным допущенное камергером князем Щербатовым отступление от Высочайшего указания Вашего Императорского Величества, заключающееся в замене слов «цена заботы и заслуги Земского и Городского союзов по призрению раненых воинов» выражением «цена труда и заслуги Земского и Городского союзов, проявленные ими в настоящую войну». Подобная замена явилась бы одобрением и подтверждением деятельности названных союзов, нередко направленной на вмешательство в такие области управления, которые им, по точному смыслу положения о них и по объему возложенной на них задачи, ограниченной призрением больных и раненых воинов, вовсе не были представлены. По сим соображениям я находил бы предпочтительным сохранить те слова относительно оценки деятельности союзов, которые были включены в первоначальный проект в соответствии с личным указанием Вашего Величества.

Об изложенном долгом поставляю всеподданнейше довести до сведения Вашего Императорского Величества, представляя при сем полученное мною от управляющего Министерством внутренних дел письмо и два проекта — первоначальный и измененный камергером князем Щербатовым — ответной телеграммы князю Львову и Челнокову.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 19–22. Автограф.

18.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса князю Н.Б. Щербатову^{IV}

17 сентября 1915 г. 23 ч. 00 м. Царская Ставка.

В дополнение вчерашнего разговора, во избежание обострения вопроса, высказываюсь против посылки телеграммы Львову и Челнокову. Убедительно советую вызвать их в Петроград и лично Вам с ними переговорить: указать на несвоевременность возбуждения ходатайства о приеме и неправильный путь обращения, передать им в соответствующей форме указания Его Величества и предложить им высказать Вам все, что имеют доложить Государю Императору, сказав, что Вы доложите об этом Его Величеству. О результате Ваших переговоров, в указанном мною смысле, Вы могли бы лично доложить Его Величеству, если нужно — пользуйтесь моим посредством. Имею основание заявить, что предложенный мною порядок сообщения не вызовет неудовольствия Его Величества. Нужно сделать все,

^{IV} В начале данного документа имеется следующая чернильная помета: «Доложено Его Величеству. Генерал-адъютант граф Фредерикс. 18 сентября 1915 г. Царская Ставка».

чтобы не обострять вопроса, но, конечно, придерживаясь при переговорах принципиальных указаний Его Величества, которые Вам известны.

Граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 11. Машинописный отпуск.

19.

Разговор по прямому проводу полковника М.М. Загю³⁵ со штабс-капитаном Покидовым³⁶

17 сентября 1915 г. Царская Ставка – Петроград.

– Я Ставка. У аппарата полковник Загю. Прошу позвонить по телефону на квартиру к министру внутренних дел. Там, вероятно, 2 телефона – один у министра в кабинете, один в приемной, номер телефона – 1/11. И спросить – дома ли сейчас господин министр. Спрашивают от министра Императорского двора, и если Его Сиятельство дома, то попросить его принять разговор по телефону, т. е. отсюда будут передавать по аппарату, а Вы будете передавать по телефону, причем для этой передачи пригласите сейчас дежурного офицера или капитана Квашневского³⁷. Понятно? Понятно ли?

– Понял. Сейчас будет все сделано. В настоящее время господина министра дома нет. Секретарь сказал, что он находится в заседании и может быть дома приблизительно часов в двенадцать, но наверное не знает.

– А где он сейчас находится, в каком заседании?

– Сию [минуту] узнаем.

– А узнайте, известно ли секретарю – послана ли уже телеграмма в Москву князю Львову? Нужно спешно сообщить дополнительные сведения, это также узнайте.

– По телефону заявили, что он находится у министра Кривошеина. Остальное сейчас сообщат; может быть, позвонить к министру Кривошеину и, таким образом, соединиться с князем Щербатовым?

– Может. Узнайте, пожалуйста, может ли секретарь позвонить и спросить, посланы ли телеграммы, и потом принять нашу телеграмму для сообщения по телефону князю Щербатову у Кривошеина?

– Секретарь сейчас узнает, послана ли телеграмма, и обещал минут через 15 ответить. А сейчас спрошу номер телефона господина Кривошеина, по которому и передадим князю Вашу телеграмму.

– Здесь просят узнать – узнали ли уже?

– Еще секретарь не ответил, ожидаем ответ и спрашиваем по телефону ожидаемый ответ.

– Узнайте, пожалуйста, если секретарь не может ответить, послана ли телеграмма, то тогда лучше просить.

– Сейчас секретарь ответил, что телеграмма еще не послана и управляющий Министерством внутренних дел отправит ее завтра с фельдъегерем в Ставку на утверждение.

— Так вот, спросите секретаря, как будет удобнее, сейчас будет телеграмма, так как ее передать — секретарю, чтобы он доложил князю Щербатову, или же передать ее по телефону князю Щербатову у министра Кривошеина. Узнайте.

— Сейчас спросим. Секретарь ответил, что удобнее будет непосредственно передать князю Щербатову, и дал номер телефона.

— Тогда дадим телеграмму и, объяснив, что министр Двора беспокоит князя в виду срочности вопроса, и передать ее сейчас же по телефону. И там ли у аппарата господин дежурный офицер.

— У аппарата дежурный офицер штабс-капитан Покидов, который и говорил сейчас с секретарем.

— Телеграмму передает барон Штакельберг. Телеграмма князю Щербатову. Секретно. Ленту просим по передаче уничтожить. Даем. «В дополнение вчерашнего разговора, во избежание обострения вопроса, [высказываюсь] против посылки телеграммы Львову и Челнокову. Убедительно советую вызвать их в Петроград и лично Вам с ними переговорить: указать на несвоевременность возбуждения ходатайства о приеме и неправильный путь обращения, передать им в соответствующей форме указания Его Величества и предложить им высказать Вам все, что имеют доложить Государю Императору, сказав, что Вы доложите об этом Его Величеству. О результате Ваших переговоров, в указанном мною смысле, Вы могли бы лично доложить Его Величеству, если нужно — пользуйтесь моим посредством. Имею основание заявить, что предложенный мною порядок сообщения не вызовет неудовольствия Его Величества. Нужно сделать все, чтобы не обострять вопроса, но, конечно, придерживаясь при переговорах принципиальных указаний Его Величества, которые Вам известны. Граф Фредерикс». Если князь Щербатов найдет возможным высказать сейчас свой ответ на настоящую телеграмму — буду ждать ответа у аппарата. Все.

— Если князь Щербатов пожелает, чтобы ему была прислана эта лента, то как поступить?

— То тогда, конечно, послать в секретном конверте.

— Слушаю, так и будет сделано. Сейчас начну передачу по телефону.

— Жду у аппарата.

— Передана по телефону лично князю Щербатову и ответ будет минут через 5, 10.

— Жду.

— Передаю ответную телеграмму от князя Щербатова графу Фредериксу. «Приношу Вашему Сиятельству глубокую благодарность за полученную телеграмму. Поступлю согласно Вашему совету. Князь Щербатов». Кто принял, пожалуйста, сообщите.

— Телеграмму принял лично барон Штакельберг. И сейчас же несет к министру Двора. Все.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 17–18, 19. Телеграфная лента.

20.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса И.Л. Горемыкину

18 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Государь Император повелел мне уведомить Ваше Высокопревосходительство, что, по Высочайшему повелению, поручено князю Щербатову вместо посылки телеграммы вызвать князя Львова и Челнокова для личных переговоров и высказать им на словах по содержанию Вашего проекта телеграммы об отклонении приема депутации и о последовавших принципиальных указаниях Его Величества о допустимых пределах деятельности Земского союза и Союза городов.

Министр Императорского Двора граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 11–11 об. Машинописный отпуск.

21.

Телеграмма графа В.Б. Фредерикса князю Н.Б. Щербатову^V

18 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Доложив Его Величеству о посланной мною Вам телеграмме относительно вызова князя Львова и Челнокова для личных переговоров, Государь Император повелел мне подтвердить Вашему Сиятельству, в дополнение к указанной телеграмме, чтобы Вами на словах было высказано все изложенное в первоначальном проекте телеграммы, составленной статс-секретарем Горемыкиным, а именно, что Государь Император предоставляет Земскому союзу и Союзу городов действовать в пределах их прямого назначения помощи раненым и для нужд войны, но не вторгаться в политику, обходя правительство Его Величества. Председатель Совета министров поставлен мною в известность о настоящей постановке вопроса. При этом желательно принять все меры, чтобы настоящий вопрос и переговоры Ваши с названными лицами не получили огласки в печати.

Министр Императорского Двора граф Фредерикс.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 11–11 об. Машинописный отпуск.

22.

Телеграмма князя Н.Б. Щербатова графу В.Б. Фредериксу

18 сентября 1915 г. Петроград.

Во исполнение Высочайшего повеления, переданного мне председателем Совета министров относительно отказа в приеме депутации, я предполагал бы

^V По поводу этой телеграммы см. помету на телеграмме В.Б. Фредерикса Н.Б. Щербатову от 17 сентября 1915 г.

вызвать в Петроград князя Львова и Челнокова и словесно объявить им Высочайшую волю, с приведением мотивов, изложенных в проекте телеграммы, составленной статс-секретарем Горемыкиным. Благоволите, Ваше Сиятельство, испросить одобрение Государя Императора такового предположения.

Управляющий Министерством внутренних дел князь Щербатов.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 12. Машинописная копия.

23.

Письмо И.Л. Горемыкина князю Н.Б. Щербатову

18 сентября 1915 г. Петроград.

Срочно. Секретно.

Милостивый Государь, князь Николай Борисович.

Имею честь препроводить к Вашему Сиятельству копию полученной мною сего числа от министра Императорского двора телеграммы от 18 сентября за № 448, для исполнения преподанного означенною телеграммою Высочайшего повеления. Тем самым, по моему мнению, отпадает надобность в каких-либо дальнейших мероприятиях по содержанию доверительного письма Вашего на мое имя от 17 текущего сентября, с препровождением текста телеграммы главноуполномоченным всероссийских Земского и Городского союзов.

Прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Горемыкин.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 13. Машинопись с собственноручной подписью.

24.

Письмо князя Н.Б. Щербатова И.Л. Горемыкину

18 сентября 1915 г. Петроград.

Доверительно.

Милостивый Государь, Иван Логгинович.

Сего числа мною получена от графа Фредерикса телеграмма, в копии у сего прилагаемая, о том, что последовало Высочайшее повеление мне, в изменение первоначального предположения об отправке ответной на всеподданнейшее ходатайство главноуполномоченных Общеземского съезда князя Львова и Общегородского съезда М.В. Челнокова телеграммы, вызвать их в Петроград для объявления им Высочайшей воли и личных переговоров.

Об изложенном имею честь уведомить Ваше Высокопревосходительство и при том присовокупить, что соответственные телеграммы князю Львову и М.В. Челнокову мною посланы.

Пользуюсь случаем просить принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

Князь Щербатов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 15–15 об. Машинопись с собственноручной подписью.

25.

Телеграмма М.В. Яблонского³⁸ барону Р.А. Штакельбергу

18 сентября 1915 г. 10 ч. 53 м. Петроград.

По поручению князя Щербатова прошу сообщить князю текст обращения депутации московских съездов о приеме.

Секретарь министра внутренних дел Яблонский.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 20. Подлинник.

26.

Телеграмма барона Р.А. Штакельберга М.В. Яблонскому

18 сентября 1915 г. Царская Ставка.

Копия обращения высылаю князю Щербатову 19 сентября фельдьегерем. Церемониймейстер барон Штакельберг.

РГИА. Ф. 472. Оп. 40 (194/2682). Д. 47. Л. 21. Машинописный отпуск.

27.

Письмо князя Н.Б. Щербатова И.Л. Горемыкину

20 сентября 1915 г. Петроград.

Совершенно доверительно.

Милостивый Государь, Иван Логгинович.

Не имея возможности, по нездоровью, лично почтить Ваше Высочайшее предельство, честь имею уведомить, для сведения, что во исполнение Высочайшего повеления, сообщенного мне через министра Императорского двора, сего числа были мною приняты вызванные из Москвы князь Львов и М.В. Челноков, о чем мною будет представлен всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству.

Пользуюсь случаем, чтобы просить принять уверение в совершенном моем почтении и истинной преданности.

Князь Щербатов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1454. Л. 18. Машинопись с собственноручной подписью.

28.

Письмо князя В.Н. Орлова³⁹ А.В. Кривошеину

1 декабря 1915 г. Тифлис.

Дорогой Александр Васильевич,

телеграмму Вашу я доложил и, по некоторым соображениям, предпочел Вам послать фельдъегерского офицера, чем телеграфировать.

Насколько я знаю, если не ошибаюсь, предлагаемый Вами кандидат в члены Совета наместника, пред[седатель] Орловской губ[ернской] управы Маслов, весьма крупная величина, но, с другой стороны, насколько мне помнится — он чуть ли не прогрессист, в 1906 г. его имя было наряду с Шиповым⁴⁰ и др. Конечно, все это не играет такой уже важной роли, но в данном случае лишь приходится считаться с положением великого князя наместника⁴¹. Великий князь сам, конечно, не боится иметь дело с людьми даже левого направления, при условии, что они умны; это условие соблюдено, ибо Маслов безусловно умный деятель и, повторяю, крупная величина. Вся суть в вопросе, который я считаю нужным Вам поставить; между нами — привлечение на Кавказ Маслова, если бы он пришел сюда, не может ли, при нынешнем направлении, еще больше повредить великому князю, т. е. не скажут ли, что он привлекает на Кавказ элемент чересчур левый и, значит, он сам ведет дело к конституции. Это, по-моему, было бы очень нежелательно. Но это я не передаю Вам от великого князя, это лишь мое личное замечание, которое может и неверное, ибо я за Масловым уже давно не следил. Во всяком случае, примите мои соображения в расчет при Вашем решении, это совершенно между нами. С другой стороны, т. к. вопрос о введении земства на Кавказе вопрос первой важности, Маслов безусловно был бы очень ценен для нас, если бы его назначение было возможно.

Теперь перехожу к тому, что великий князь просил меня Вам сообщить. Великий князь верит Вам абсолютно и посему согласен на кандидатуру Маслова; но великий князь считает для себя неудобным получить от него отказ, если почему-либо это его не устраивало бы, а посему его высочество просит Вас, если Вы считаете Маслова кандидатом, удовлетворяющим всем условиям, требуемым для данного вопроса и положения, ему от себя сообщить, что наместник обратился к Вам с просьбой дать ему лицо для данного вопроса, за которое Вы могли бы дать ему личную рекомендацию, и что Вы его назвали (Маслова) и посему спрашиваете его — устроило ли бы его такое назначение и пошел бы ли он на это, если ему это будет предложено наместником. Словом, его высочество согласен на это назначение, но не хочет получить отказа, а посему просит Вас позондировать почву. Если же Вы узнаете от Маслова, что он не согласен (а я добавлю — если по моим соображениям Вы сочтете лучше его не рекомендовать), то великий князь очень просит Вас рекомендовать ему еще одного или нескольких кандидатов, поставив им номера по желательности их назначения.

Окончив поручение великого князя, перейду еще к одной просьбе.

Во-первых, если Вам надо для ответа мне задержать поручика Липунского⁴², подателя этого письма, то Вы это сделайте не стесняясь, но только дайте мне телеграмму о получении сего письма и когда Вы думаете отправить ответ.

Засим еще одна к Вам просьба. Вы конечно знаете, что сенатор Никольский⁴³ просил великого князя его освободить от должности заменяющего наместника в Петрограде. Будьте добры, сообщите мне, кого бы Вы советовали взять для этой должности. Дайте мне двух-трех кандидатов. Я считаю, что было бы крайне важно, чтобы представителем наместника было бы лицо, с коим бы считались и в Совете министров, и в законодательных учреждениях, особенно в Думе. Вы можете нам помочь и рекомендовать такое лицо.

Мне бы страшно хотелось с Вами повидаться, да и великий князь был бы страшно рад Вас видеть, с Вами обо всем переговорить; не завернете ли под предлогом отдыха к нам; я же, Вы поймете, двинуться пока никуда не могу. Столько произошло, столько есть грустного и тяжелого и столько бы хотелось с Вами поделиться. Да и тут у нас на Кавказе столько есть Ваших начинаний, Ваших детищ, что хотелось бы от души с Вами поговорить, получить Ваши советы и указания. Если у Вас малейшая возможность, дорогой Александр Васильевич, заезжайте к нам.

О себе что Вам сказать — душой и сердцем отдаюсь делу; много можно тут сделать хорошего — [*1 слово нрзб.*] лишь бы Бог дал сил и умения. Свое же дело — считаю в очень опасном положении. Тут так далеко от Петрограда и друзей больше нет — как бы не заклевали окончательно.

От всей души и сердца Вас обнимаю и прошу — не забывайте Вашего верного, неизменно преданного друга и благодарного

В. Орлова.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 295. Л. 18–22. Автограф.

29.

Письмо П.П. Зубовского⁴⁴ А.В. Кривошеину

26 декабря 1915 г. Петроград.

Глубокоуважаемый и дорогой Александр Васильевич.

Я и вся моя семья сердечнейше поздравляем Вас с великим христианским праздником и наступающим Новым годом. От души желаем мы здоровья и всякого благополучия и Вам, и Вашим близким, а Вашему контуженному сыну (об этом вчера узнали от Елены Геннадьевны⁴⁵) скорейшего выздоровления. Да избавит Вас Господь от таких испытаний на будущее время. Горячо желаю я также, чтобы на верхах наступило просветление, чтобы без остатка были изгнаны оттуда гнездящиеся там темные и злые силы, чтобы призваны были к власти светлые разумом и сильные волею деятели, бескорыстно и без всяких партийных видов любящие свою дорогую Родину и понимающие, что нужно сделать для ее пользы, чтобы наступило то единение между властью и обществом, которое нарождалось под Вашим благотворным влиянием, но к великому нашему горю не осуществилось, и без которого, если не совсем не возможна, то чрезвычайно затруднена победа над нашими сильными и хорошо организованными врагами, чтобы, наконец, Господь послал эту давножданную победу, а с нею полное торжество русской правды, русских идеалов, русского благополучия. Как всего этого

жадно хочется и как все это еще далеко от нас! И будет далеко, пока не станет во главе правительства лицо, которое сумеет взять все в свои руки и искоренить тормозящие победу разлад и неудачи, господствующие вверху и отражающиеся на низах. Все это, впрочем, мечты, на осуществление которых мало надежды, но накануне Нового года позволяется и помечтать.

Пользуясь тем, что посылаю настоящее письмо через Якова Алексеевича Марусова⁴⁶ и что оно будет получено Вами без цензурного штемпеля, перейду к действительности, как она мне представляется, предупреждая, однако, что я по-прежнему стою несколько в стороне от политики и многого, может быть, не знаю или понимаю неверно.

Прежде всего, о нашем Ведомстве⁴⁷. Ваш уход начинает уже сильно сказываться. Вас опасались трогать и считались с Вами, и под Вашим крылом мы чувствовали себя твердо. С другой стороны, Вы обладали искусством направлять все силы и способности подчиненных Вам лиц к наилучшему достижению намеченных целей, устраняя всякие несогласия и раздор и умеряя личные самолюбия в нашей среде; люди, ненавидевшие друг друга, работали согласно и один другому не мешали. Теперь картина несколько иная. Кампания Министерства внутренних дел против нашего Ведомства заметно усилилась. А.Н. Хвостов⁴⁸, заручившись, помимо И.Л. Горемыкина и других членов Совета, разрешением свыше, написал известное Вам, вероятно, из газет письмо Ивану Логгиновичу о беспорядках по заготовкам для армии и продовольствию и требовал немедленного обсуждения этого письма в Совете министров. Дело было поставлено так спешно и остро, что Иван Логгинович хотел назначить обсуждение связанных с письмом вопросов в отсутствие двух заинтересованных и причастных к делу министров — А.Н. Наумова⁴⁹ и князя Шаховского⁵⁰, из коих первый был болен, а второй в служебной поездке. Говорят, что оскорбленный Г.В. Глинкой⁵¹ в одном из продовольственных совещаний Невиандт⁵² подстроил это и надоумил А.Н. Хвостова настаивать на скорейшем рассмотрении, ссылаясь на указания свыше. Только категорический протест А.Н. Наумова (об этом мне говорил сам А[лександр] Н[иколаевич]) отсрочил обсуждение, которое и состоялось в прошлую субботу. В результате явилось новое совещание из четырех министров, которое и идет хорошо, но при существующих отношениях едва ли из него выйдет какой-нибудь толк⁵³. Наряду с этим те, коим наши поставки были бельмом в глазу, вылезли из всех щелей и начали действовать во всю, вставляя палки в колеса. В большом деле нельзя избежать недочетов и они, конечно, есть и у нас, но при дружной работе всех ведомств их можно было бы обезвредить. В последнее же время нашим агентам на местах мешают все, кто только может, и особенно интенданты, путейцы и чины Министер[ства] вн[утренних] д[ел]. Приезжающие с мест наши землеустроители, участвующие в этом деле, рассказывают нечто невероятное о способах такого противодействия, отчего гибнут продукты на десятки миллионов рублей, а армия получает продовольствие и фураж в недостаточном количестве. Особенно неблагополучно по доставке животных продуктов и фуража. В результате за истекшую неделю ежедневно получалось по несколько самых тревожных телеграмм из Ставки и от отдельных главнокомандующих. Наконец, и в нашей среде начались раздор и несогласия. Сдерживавшиеся Вашим влиянием антипатии проявляются открыто. Д.Я. Слободчиков⁵⁴ и Вл[адимир] С. Кошко⁵⁵ наговаривают на Гр[игория] В. Глинку, последний на них и С.Н. Ле-

нина⁵⁶ и т. д. При таких условиях А.Н. Наумов волнуется, сердится и теряется и, кажется, перестает верить всем. Это я, между прочим, заключаю из того, что на последнем докладе он просил меня указать из числа землеустроителей таких верных лиц, которые могли бы быть его «очами и ушами» и через которых он мог бы узнать истинное положение дел на местах. Лиц этих я ему, конечно, укажу, но сочту своим долгом предупредить, что неосторожное использование их очень опасно, может породить еще больший раздор в нашей среде и окончательно погубить дело. Обо всем этом А[лександр] Н[иколаевич] предполагал докладывать в ближайший понедельник в Царском и очень возможно, что этот доклад может иметь последствием новые перемены на верхах нашего Ведомства. Лично я считал бы это новым крахом, после которого наше Ведомство едва ли скоро оправится. Хуже всего то, что в кабинете идет развал, для всех слишком заметный, и внутренняя упорная борьба; каждый старается захватить, что возможно. В частности, А.Н. Х[вост]ов, преследуя не столько пользу Отечества, сколько личные цели, выставляет, как мне передавали, такие мотивы, которые в известных сферах могут быть оч[ень] убедительными. Он, будто бы, говорит, что неорганизованная революция не опасна, а с организованной — невозможно будет бороться, что участие земства, городов и разных союзов, комитетов и кооперации в тыловой работе для военных надобностей, в т. ч. и в наших закупках, — подготавливает такую организацию и что поэтому такой постановке должен быть положен конец и все дело передано губернаторам и правительственным учреждениям и агентам. На эту удочку легко пойдут, а между тем это почти смертный приговор для наших военных успехов! Вот как у нас скверно. Остается только надеяться на Милость Божию и ждать чуда. Твердо верю, что оно будет, и мы победим.

А.А. Риттих⁵⁷ по-прежнему держит себя в стороне от заготовок и продовольствия; то же, что у него, проводится оч[ень] дипломатично и почти всегда с успехом. Сейчас ему поручена разработка мер по обеспечению в будущем году сельскохозяйства рабочими. Правда, особое мнение по закону об иностранном землевладении провалилось, но при настоящем положении дела этого и следовало ожидать. Вообще же я никак не могу понять отношения А[лександра] А[лександровича] к этому делу и полагаю, что это один из тех вопросов, по которым дипломатия приносит только вред; или не нужно было начинать, или если уж начали, то идти открыто прямым путем.

Мои дела идут, слава Богу, хорошо: мало ими теперь интересуются и, поэтому, никто не мешает. Сейчас успешно готовим новую организацию заведывания оброчным делом. Работы идут успешно и есть надежда, что с будущего года мы станем на правильный и твердый путь. Чиним разные прорехи и в землеустроительном деле, что при естественном его сокращении легче сделать, чем при полном ходе. Комитет и лазарет процветают. Вчера в лазарете была елка, которая прошла оч[ень] хорошо. На короткое время заезжал и Ал[ександр] Ник[олаевич].

В тесном лазаретном кружке вспомнили и Вас с любовью и с сожалением, что был он, а не Вы. Была на елке и вся Ваша семья, при чем Ел[ена] Генн[адьевна] в качестве нашей главы. Это само собою восхищает; дай Бог так это и останется.

Кажется, все сообщил, что Вас могло интересовать. Впрочем, Ольга Вас[ильевна]⁵⁸ сказала, что в начале января Вы сами будете; тогда, конечно, узнаете о всем и вернее, и полнее.

Примите от нас сердечный привет и еще раз самые лучшие пожелания. Всею душою преданный Вам и глубоко Вас уважающий покорный слуга

П. Зубовский.

РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–2 об. Автограф.

30.

Телеграмма Н.И. Тихановича-Савицкого⁵⁹ Б.В. Штюмеру⁶⁰

5 апреля 1916 г. Астрахань.

Союзные лазареты необходимо немедленно уравнивать в средствах с казенными. Левые внушают солдатам: «Здесь хорошо, потому что общественные, а в казенных плохо, потому что правительство ворует». Идет опасная подготовка. Гнусную деятельность левых общественников надо свалить одним ударом, разоблачив ее перед всей Россией.

Председатель Астраханской народной монархической партии
Тиханович-Савицкий.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113. Л. 15. Подлинник.

31.

Выписка из письма Н.И. Тихановича-Савицкого Н.Н. Родзевичу⁶¹

14 апреля 1916 г. Астрахань.

Посылаю образец посланных мною писем с призывом приступить к работам по изменению Основных законов и Положения о Думе, а также мою мотивировку. Привлеките к работе проф[ессора] Казанского⁶², Смольянинова⁶³ и др., только не затяните и образец пришлите мне для рассылки. Если Щегловитов⁶⁴ и др. ничего не сделают, в чем я почему-то уверен, то мы обойдемся своими силами. Составьте записку о положении дел для представления от Совецания. На всякий случай возьмите разрешение для съезда на конец мая или начало июня, хотя можем собраться и прямо в Русском собрании⁶⁵. На этот раз необходимо переговорить с министрами и испросить негласной аудиенции⁶⁶.

К изменению Основных законов и Положения о Государственной думе.

По-моему, не следует слишком отступать от теперешнего Положения, а лишь сделать в нем легкие исправления, которые не уничтожая законодательного характера Гос[ударственного] совета и Думы, уничтожили бы их конституционный облик и вернули бы Царю беспорное самодержавие и этим сразу внесли бы в страну успокоение. В Положении же о Гос[ударственной] думе требуются такие изменения, которые не допускали бы официального деления на партии, не допускали бы теперешнего хулиганства, а главное — подрыва авторитета Церкви, Государя и власти.

Я нахожу, что при соответствующих поправках в Основных законах, касающихся самодержавной, неограниченной власти Государя и указаний на проведение законов, независимо от обычного порядка, также в порядке верховного управления, Государственный совет и Дума должны быть учреждениями законодательными, и даже облеченными более широкими правами по запросам и контролю, чем теперь; но при этом в Основн[ых] зак[онах] должно быть ясно указано на то, что Гос[ударственный] совет и Дума призываются Царем в помощь себе и что для исполнения возлагаемых на них Царем высоких обязанностей им даются и большие права.

При законосовещательном характере Гос[ударственного] совета и Думы левые будут говорить: «Мы *ничего не можем*, мы только обсуждаем, и то приносиваясь, и все зависит от правительства и Царя». Все будут валить на Царя, и его престиж будет подрываться еще более, чем теперь.

Имя Царское не надо замешивать в обыденное законодательство. Царь должен быть лишь верховным руководителем и верховным судьей. Пусть законодательство идет теперешним путем и пусть недовольство населения падает на Думу и Совет, а не на Царя. Когда же недовольство будет выражено сильно, вот тут-то Государь и выступает в роли верховного защитника народных интересов и повелевает Государственной думе и Совету выработать закон в таком-то направлении и даже гневно указывает на малое радение сих установлений о благе народа. Таким образом, и престиж Царской власти будет поднят в глазах народа неизмеримо, со всеми великими последствиями этого (смысл монархии), и одновременно будет уничтожен и вред конституционного образа правления, к которому стремятся, и бывшего бюрократического. В Царе народ будет видеть действительно защитника своего, а значение Думы и Совета будет сведено в глазах населения на уровень обычных государственных учреждений, как оно и должно быть, и в то же время будет достигнута плодотворная работа их.

Мне кажется, что при таком характере изменений мы скорее можем рассчитывать на успех, а уже впоследствии не трудно будет выровнять и другие шероховатости, касающиеся выборов, состава и пр. даже совместно с законодательными учреждениями, в которых при означенных изменениях очутится правое большинство, т. к. боевой пыл левых охладает, вследствие твердо поставленной преграды их вожделяниям.

Все здесь сказанное — лишь спешный набросок.

Мною посланы Л. Тихомирову⁶⁷, Соболевскому⁶⁸, Булацелю⁶⁹, Щегловитову, Маклакову⁷⁰, Пасхалову⁷¹ и еще некоторым письма приблизительно следующего содержания:

«С 1905 г. идет 11-й год. Между тем, за это большое время мы, монархисты, не выработали ни ясно выраженного образа желаемого нами государственного строя, ни определенных основ экономической программы. До сих пор ни Государь, ни общество, ни сами монархисты не знают, к чему монархисты стремятся и чего они хотят. Формула: православие, самодержавие и народность — сама по себе говорит очень мало. При таких условиях, конечно, трудно чего-нибудь добиться, и противникам нашим дается широкий простор возводить на нас всевозможные нелепицы, а сочувствующие нам поставлены в трудное положение.

Провинциальные “правые” и монархические союзы терпеливо ждали, надеясь, что или Русское собрание, или Главный совет⁷² примут меры для выяснения

и объединения монархических взглядов, но теперь, через десять лет, стало очевидным, что означенные организации этого не исполняют; между тем оставлять в таком положении монархическое дело невозможно, вследствие чего я, Родзевич и еще некоторые хотим сделать попытку взять на себя инициативу по выработке программ и по объединению вокруг них монархистов, для чего решили просить некоторых наших ученых и политических деятелей, в их числе и вас, принять на себя труд: 1) изложить подходящий монархическим взглядам государственный строй, 2) изложить основы экономической политики нашей, 3) исправить и кодифицировать Основные законы применительно к изложенным взглядам на государственный строй, 4) исправить применительно к тому же Положения о Государственной думе и Совете и 5) сделать все это в возможно приемлемом виде.

В середине или в конце мая следует собраться в Петрограде для установления окончательной редакции всего этого, после чего попытаться приступить к осуществлению созданного. Может Бог поможет по окончании войны сделать то, что следовало сделать еще до 23 апреля 1906 г.⁷³; ну, а если сразу не удастся, то все-таки этой работой мы дадим в руки монархистов определенное оружие для борьбы с левыми и надлежащую опору.

На мой взгляд, чтобы рассчитывать на успех, не надо пока настаивать на существенных изменениях, а лишь вычеркнуть неподходящие параграфы, как в Основных законах, так и в Положениях и внести легкие поправки, преследуя цель — отделения законодательства и управления, проводимых в порядке верховного управления (где власть государя действует непосредственно), от таких же, проводимых в обычном порядке (с оставлением: «ни один закон не может»⁷⁴ и т. д.)».

РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113. Л. 26–27 об. Машинопись.

32.

Докладная записка по поводу выписки из письма Н.И. Тихановича-Савицкого Н.Н. Родзевичу

Не ранее 14 апреля 1916 г. Петроград.

Автор письма совершенно прав, когда он говорит: «За столько времени мы, монархисты, не выработали ни ясно выраженного образа желаемого нами государственного строя, ни определенных основ экономической программы».

Он прав, когда говорит далее: «До сих пор ни Государь, ни общество, ни сами монархисты не знают, к чему монархисты стремятся и чего они хотят».

Однако, столь мужественно высказывая несомненную истину, автор письма в своих пожеланиях не идет дальше общих фраз. Так, он желал бы, чтобы «законодательство шло теперешним путем», но чтобы «недовольство населения падало на Думу и Совет, а не на Царя». Как же это сделать? Автор говорит: «в Основных законах должно быть ясно указано на то, что Государственный совет и Дума призываются Царем в помощь себе и что для исполнения возлагаемых на них Царем высоких обязанностей им даются и большие права». Это даже не общие

фразы, а просто бессодержательные утверждения. Между тем это пожелание автора является самым существенным во всем его построении. Автор письма имеет в виду хлопотать о созыве съезда монархистов в середине или конце мая. Едва ли такой съезд удобен в виду известного постановления Совета министров.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 113. Л. 25. Машинопись.

33.

Телеграмма Н.Н. Тихановича-Савицкого Николаю II

2 декабря 1916 г. Астрахань.

Государь!

Если сейчас же не будут приняты самые решительные меры, мы войну проиграем. Вот что делают, например, в Астрахани, а так как все это движение организовано по шаблону, то то же сейчас происходит и по всей России. Астраханский городской голова Кравченко⁷⁵, бывший в Петрограде и Москве на неразрешенном съезде городских союзов⁷⁶, телеграфировал городской думе, чтобы она приветствовала Государственную думу после известной речи Милокова⁷⁷, что исполнено. Городской голова, возвратясь из Москвы, в заседании городской думы 29 ноября устроил частное совещание, длившееся полтора часа, в котором передал гласным возмутительные слухи о царице, после чего гласный доктор Долгополов⁷⁸, тот самый, который в 1905 г. в Нижнем обещал обломать крылья русскому государственному орлу, произнес зажигательную, обидную для царицы речь. При политической неразвитости даже образованных русских людей, при их любопытстве и склонности доверять вздорным слухам, можешь представить, Государь, как должно было подобное сообщение подействовать на гласных! Вдобавок ни городской голова, ни Долгополов до сих пор не арестованы, значит — они говорили правду.

Государь!

План интриги ясен: пороча царицу и указывая, что все дурное идет от нее, внушают этим населению, что Ты слаб, а значит — надо управление страной взять от Тебя и передать Думе.

Государь!

Львов, Челноков, Гучков, Милоков и другие их орудия для армии, вроде казака-provokatora Караулова⁷⁹, должны быть арестованы и высланы из пределов России. Государственная дума, Совет, городские и земские самоуправления, биржевые и военно-промышленные комитеты и тому подобные учреждения, при помощи политически неразвитых членов, среди которых работают местные агенты вышеуказанных главарей, должны быть поставлены в рамки их деятельности по закону, дабы они перестали быть очагами смуты и возжигателями подготовляемого внешним врагом России государственного переворота, а главное, чтобы они, распространяемыми ими ложными, преступными слухами, не угнетали бы страну и армию до потери всякой энергии. Надо, чтобы с высоты трона раздался голос, строго осуждающий преступную деятельность эту, с указанием, что ради достижения скорейшей победы подобная деятельность будет нещадно

преследоваться, до расстрела включительно. Надо именем царя заявить стране, что она должна встать на дружную работу с правительством без всяких условий, а кто не подчинится этому добровольно, с тем будет поступлено как с изменником.

Государь, попустительство, уступки и полумеры — не по времени, не по людям этим, которые при такой системе не успокоятся, пока Ты не превратишься в бесправного, послушного им царя. Благодаря уступкам крамоле дело дошло до того, что у нас уже нет правительства, оно само не знает, кого слушать и кому угождать; министры меняются чуть ли не ежемесячно, и на местах власть запугана и парализована.

Государь!

Возроди правительство, сосредоточь всю полноту и ответственность власти в руках одного лица, сильного, энергичного, с широким государственным размахом и инициативой, лица безусловно правого.

Торопись, Государь, торопись, или война будет проиграна.

Опасаясь по теперешнему времени несвоевременного доставления телеграммы, непосредственно Тебе адресованной, посылаем ее Тебе через министра Императорского двора, через Трепова⁸⁰ и через Протопопова⁸¹, а копию письма — через верных людей, так как министр Императорского двора болен, Трепова мы не знаем, а Протопопову не доверяем, как члену Прогрессивного блока и министру, при котором беспрепятственно допускается, к великому соблазну, открытая работа для ниспровержения государственного строя и династии, несмотря на то, что в его распоряжении находятся и губернаторы, и тайная полиция.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 7–7 об. Машинописная копия.

34.

Всепопданнейший доклад А.Ф. Трепова по поводу телеграммы Н.Н. Тихановича-Савицкого^{VI}

10 декабря 1916 г.

В адресованной на мое имя, всепопданнейше представляемой при сем, в копии, телеграмме, председатель Астраханской народной монархической партии [Тиханович-]Савицкий всепопданнейше доводит до сведения Вашего Императорского Величества о необходимости принятия самых решительных мер против наблюдаемого ныне в Империи движения, которое, при дальнейшем развитии, по убеждению [Тихановича-]Савицкого, может привести к проигрышу войны. Указывая на отдельные проявления общественной жизни в гор[оде] Астрахани, [Тиханович-]Савицкий заявляет, что то же самое, как бы организованное по одному определенному шаблону, наблюдается повсеместно в государстве. В частности, Астраханская городская дума, согласно указаниям, преподанным местным городским головою Кравченко, бывшим в Петрограде и в Москве на не-

^{VI} В начале доклада имеется чернильная помета: «Доложено Его Императорскому Величеству. В Царской Ставке, 10 декабря 1916 г. Председатель Совета министров, статс-секретарь А. Трепов».

разрешенном съезде Городского союза, приветствовала Государственную думу после речи члена Думы Милокова. Засим, тем же городским головою на частном совещании Думы сообщены были возмутительные слухи, касающиеся Особы Ее Императорского Величества Государыни Императрицы. Вслед за этим гласным Долгополовым была произнесена по тому же предмету зажигательная речь. Последовавшее, несмотря на происшедшее, оставление Кравченко и Долгополова на свободе может, по убеждению [Тихановича-]Савицкого, вселить уверенность в том, что они говорили правду. С другой стороны, при склонности даже образованных русских людей верить вздорным слухам, наветы на Государыню Императрицу внедряют в населении уверенность в слабости верховной власти [и] необходимости передать дела по управлению страню Думе. Действительными мерами, при создавшемся положении, [Тиханович-]Савицкий считал бы: арест и высылку из пределов России Львова, Челнокова, Гучкова, Милокова и др[угих]. руководителей движения, а также воздействующего на армию члена Государственной думы казака Караулова; поставление Государственной думы, Совета, городских и земских учреждений и общественных организаций в такие условия, при которых они не могли бы угнетать страну ложными преступными слухами и способствовать подготовляемому внешним врагом России государственному перевороту; заявление с высоты трона осуждения таковой преступной деятельности и применение кар за ослушание до расстрела включительно; призыв страны к дружной работе с правительством, без каких бы то ни было условий; вообще недопустимость каких бы то ни было уступок, и, наконец, сосредоточение всей полноты власти в руках одного лица безусловно правого.

Статс-секретарь Ал[ександр] Трепов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 6–6 об. Машинопись с собственноручной подписью.

35.

Всепопданнейший доклад А.Ф. Трепова «По проекту Положения о земском управлении»^{VII}

10 декабря 1916 г.

Государственная дума, в Общем собрании, приступила к обсуждению составленного Комиссиею по местному самоуправлению Думы проекта Положения о волостном земском управлении.

Министерство внутренних дел, признавая желательным принять участие в рассмотрении законопроекта и ввести некоторые поправки, представило свои, по сему предмету, предположения на одобрение Совета министров. Замечания Ведомства внутренних дел сводятся, в главнейших своих частях, к необходимости,

^{VII} В начале доклада имеется чернильная помета: «Доложено Его Императорскому Величеству. В Царской Ставке, 10 декабря 1916 г. Председатель Совета министров, статс-секретарь А. Трепов».

в целях привлечения к участию в волостном земстве более крупных поместных элементов, несколько повысить избирательный ценз. Допуская, далее, возможность занятия женщинами должностей по общественному управлению, названное ведомство полагает, однако, что мера эта не должна касаться должностей, носящих характер административный и исполнительно-полицейский. Далее, взамен обязательности учреждения в каждой волости волостных земских управ, признается более правильным допускать лишь факультативное образование таких управ волостным собранием. В противоположность проекту Государственной думы, согласно коему исключается какое бы то ни было утверждение состава волостной управы и председателя волостного собрания, имеется в виду настаивать на том, чтобы председатель волостного собрания, а равно состав управы (а в случае отсутствия управы — волостной старшина и его помощники) утверждались особым присутствием уездного съезда. Надзор же за волостными земскими учреждениями предполагается Министерством внутренних дел возложить, вместо проектированного отделения окружного суда, на губернское присутствие особого состава, вместо уездного судебно-административного присутствия, на особое присутствие уездного съезда, причем обязанности неперменного члена уездного судебно-административного присутствия возложить на земских начальников. Наконец, признается соответственным предложить Государственной думе не только подчинить волостные сметы рассмотрению особого присутствия и утверждению уездного земства, но и ввести саму смету в раскладку уездного земского сбора. За всем тем Министерство внутренних дел испрашивает полномочия заявить в Государственной думе, что ведомство приступает к коренному преобразованию института земских начальников.

С своей стороны Совет министров не встретил, в общем, препятствий к внесению вышеприведенных поправок, при рассмотрении упомянутого проекта в Государственной думе, признав лишь соответственным, чтобы на должности председателя волостного собрания, а также волостного старшины, могли бы избираться только лица, владеющие землею не менее, как в течение десяти лет, до времени их избрания.

По этому поводу всеподданнейшим долгом почитаю доложить Вашему Императорскому Величеству, что проведение в жизнь намеченной реформы коренным образом изменяет существующий на местах строй административного управления. Дело в том, что, согласно обсуждаемому проекту, допускается соединение административных и, отчасти, полицейских функций с хозяйственными в одном и том же учреждении, долженствующем заменить собою ныне существующую сословно-крестьянскую волость. При этом Министерство внутренних дел не имеет в виду вносить в этом отношении какие-либо поправки, а, напротив того, настойчиво проводило, в лице своих представителей в Совете министров, тот взгляд, что с усвоенным Думою стремлением совмещения в волости обоих указанных начал согласиться возможно. Однако допустимость объединения, в условиях русской жизни, в одном самоуправляющемся органе обязанностей административных и земско-хозяйственных не может не вызвать больших осложнений. В настоящее время административное управление проводится последовательно, при посредстве подчиненных высшей инстанции должностных лиц, от министра внутренних дел до волостного старшины включительно. С осуществлением же намеченной реформы, несомненно, волостной

старшина, являющийся наиболее близкою к сельскому населению низшею инстанциею административно-полицейской власти, окажется вне прямой зависимости от власти губернатора. Поэтому, с установлением мелкой земской единицы, совершенно необходимо отделить от органов самоуправления все функции административно-полицейского характера, предоставив выполнение таковых исключительно правительственным должностным лицам. Таковые соображения мои встретили поддержку со стороны министра юстиции, тайного советника Макарова⁸², близко знающего условия местной земской жизни по ранее занимаемой им должности министра внутренних дел. Однако большинство членов Совета присоединилось к настоятельно высказанным Министерством внутренних дел предположениям о полной возможности разрешения вопроса о преобразовании волости при условии соединения административных и полицейских функций с хозяйственными в намеченном проекте смысле. Оставаясь при своем по этому вопросу мнении, я заявил, что правительство, при дальнейшем прохождении законопроекта о волостном земстве через законодательные учреждения, сохраняет за собою полную свободу суждений и не лишено будет права настаивать на ограничении компетенции должностных лиц волости кругом дел лишь земско-хозяйственных.

Статс-секретарь Ал[ександр] Трепов.

РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1818. Л. 12–13 об. Машинопись с собственноручной подписью.

36.

Письмо Н.Н. Тихановича-Савицкого А.Д. Протопопову

28 декабря 1916 г. Петроград.

Ваше Превосходительство, многоуважаемый Александр Дмитриевич! При сем прилагаю письмо Его Величеству, посланное еще 20 марта с. г.⁸³

Ко вчерашнему разговору: порочить Царицу и Царя допускать нельзя; следует потребовать привлечения гор[одского] головы Кравченко к строгой ответственности за допущение этого в «частном совещании» гласных Гор[одской] думы. Малая кучка навела такой террор на правых гласных, что они теперь боятся показывать, что говорилось; надо допросить под присягой. Точные указания даны мною астрах[анскому] губернатору и жандармскому полковнику. Дело должно послужить в назидание подобным сборищам всей России и заминать его ни в каком случае не следует.

Прошу принять уверение в совершенном уважении к Вам.

Н. Тиханович-Савицкий.

[P.S.] Забыл показать Вам телеграммы мне от союзов⁸⁴ гг. Тамбова, Самары, Ростова-на-Д[ону], Вологды, Ярославля, Тулы, Новочеркаска и Армавира, которыми просят меня хлопотать о немедленном подавлении преступной агитации союза Земгора.

РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 1165. Л. 87. Автограф.

Примечания

- ¹ Туган-Барановский Николай Иванович (1867–?) — в должности гофмейстера, действительный статский советник, с 29 сентября 1916 г. — тайный советник, с 25 октября того же года — гофмейстер Высочайшего двора. Директор Канцелярии министра путей сообщения (1 февраля 1910 — 29 сентября 1916). С 29 сентября 1916 г. — сенатор. Оказывал покровительство правым организациям на железных дорогах. Умер в эмиграции.
- ² Эта статья постановляла: «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского. В управлении верховном власть Его действует непосредственно; в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим Его именем и по Его повелениям» (Государственный строй Российской империи накануне крушения. Сб. законодат. актов / Сост. Г.А. Кутьина и О.И. Чистяков. М., 1995. С. 15–16).
- ³ Данный вывод соотносится с выводами других осведомленных современников. См.: Показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 4. С. 87; Письмо московского градоначальника управляющему МВД о совещании московских кадетов. 19 октября 1915 г. // Буржуазия накануне Февральской революции. С. 69; *Савич Н.В.* Воспоминания. Дюссельдорф; СПб., 1993. С. 163; *Шаховской В.Н.* Sic transit gloria mundi. 1893–1917 гг. // Русское возрождение. Кн. 64–65. Нью-Йорк; Москва; Париж, 1995–1996. С. 219; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 627, 629.
- ⁴ Шингарев Андрей Иванович (1869–1918) — депутат IV Государственной думы от Петрограда (товарищ председателя Фракции кадетов). В 1915–1917 гг. — член Прогрессивного блока. Убит угодниками.
- ⁵ Посников Александр Сергеевич (1846–1921) — экономист, редактор газеты «Русские ведомости» (1886–1896), организатор Экономического отделения Политехнического института в Петербурге, директор этого института. Депутат IV Государственной думы от Петроградской губернии (товарищ председателя Фракции прогрессистов). В 1915–1917 гг. — член Прогрессивного блока. Умер в эмиграции.
- ⁶ Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — историк и публицист, лидер Кадетской партии. Депутат III и IV Государственной думы от Петрограда (председатель Фракции кадетов). В 1915–1917 гг. — лидер Прогрессивного блока. Умер в эмиграции.
- ⁷ Имеется в виду парламентарная система управления, когда палаты не только законодательствуют, но и управляют.
- ⁸ Со вступлением России в Первую мировую войну, для предотвращения беспорядков во время сбора призывников и отправки их на фронт, последовало временное запрещение продажи спиртных напитков. Согласно Особому журналу Совета министров от 9 августа 1914 г. «По вопросу о разрешении торговли спиртными напитками» с 16 августа разрешалась торговля виноградными винами и денатурированным спиртом, «с соблюдением указанных в Особом журнале ограничений». Тем же порядком до 1 сентября 1914 г. продлевалось воспрещение продажи на вынос всех прочих крепких напитков. При подписании журнала министр внутренних дел Н.А. Маклаков заявил особое мнение. «Полагаю необходимым, — написал Н.А. Маклаков, — закрыть винные лавки на все время военных действий, ясно и решительно объявив об этом решении во всеобщее сведение; думаю, нельзя делать этого периодическими возобновлениями отсрочки открытия лавок» (Примечания // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 370). По результатам обсуждения вопроса о «сухом законе» 22 августа последовало повеление Николая II «О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в

Империи до окончания военного времени». Через месяц, 27 сентября, царь утвердил Положение Совета министров «О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений» (Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени: В 2-х тт. Пг., 1915–1916. Т. 1. Пг., 1915. С. 170–171, 238–239). См. также: *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война (Мат. межд. науч. колл.). СПб., 1999.

- 9 23 августа 1915 г. Николай II занял пост верховного главнокомандующего, сменив на этом посту великого князя Николая Николаевича, назначенного кавказским наместником.
- 10 Подразумеваются запланированные на начало сентября 1915 г. съезды Земского и Городского союзов. Несмотря на рекомендации Н.И. Туган-Барановского, эти съезды были все-таки разрешены.
- 11 Борьба с дороговизной стала одним из пунктов программы министра внутренних дел А.Н. Хвостова.
- 12 Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918) — действительный тайный советник, статс-секретарь его величества (с 1912), член Государственного совета по назначению (с 1905, Группа правого центра). Лидер националистов, председатель Всероссийского национального союза (1908–1909). Министр путей сообщения (29 января 1909 — 27 октября 1915). Расстрелян большевиками.
- 13 В фонде С.В. Рухлова предыдущие записки Н.И. Туган-Барановского не сохранились.
- 14 Что касается Москвы, то имеется в виду Отечественный патриотический союз.
- 15 Балашев (Балашов) Петр Николаевич (1871 — после 1927) — действительный статский советник, в должности егермейстера (1911). Лидер Всероссийского национального союза (Партии националистов). Депутат IV Государственной думы от Подольской губернии (председатель Фракции националистов). Во время Первой мировой войны — главноуполномоченный Юго-Западного областного комитета по оказанию помощи раненым. Являлся оппонентом Прогрессивного блока, пытаясь противопоставить ему более консервативное объединение думских фракций. Умер в эмиграции.
- 16 Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) — гофмейстер, статс-секретарь его величества (с 1910), член Государственного совета по назначению (с 1906, Группа правого центра). Главноуправляющий землеустройством и земледелием (21 мая 1908 — 26 октября 1915). В январе 1914 — октябре 1915 г. — лидер прогрессивной группы Совета министров, фактический премьер. После ухода из кабинета — главноуполномоченный Красного Креста. Умер в эмиграции.
- 17 Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — действительный тайный советник, с 20 января 1916 г. — действительный тайный советник 1-го класса (высший гражданский чин), статс-секретарь его величества (с 1910), член Государственного совета по назначению (с 1899, Группа правых), сенатор (с 1894). Председатель Совета министров (30 января 1914 — 20 января 1916). Убит уголовниками.
- 18 Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927) — граф (с 1913), генерал-адъютант, генерал от кавалерии, член Государственного совета по назначению (с 1905). С 5 апреля 1898 г. — министр Императорского двора и уделов, канцлер императорских и царских орденов, с 14 июня того же года — командующий Императорской главной квартирой (с оставлением в предыдущих должностях). Умер в эмиграции.
- 19 Фролов Петр Александрович (1852–?) — генерал от инфантерии. С 28 июня 1905 г. — член Военного совета. С 22 апреля по 14 сентября 1915 г. — главный начальник Петроградского военного округа. Затем — главный начальник снабжений армий Северного фронта (14 сентября 1915 — 2 апреля 1916). Со 2 апреля 1916 г. — помощник

- военного министра. С 13 января 1917 г. — член Государственного совета по назначению (с оставлением в предыдущей должности).
- 20 Мрозовский Иосиф Павлович (1857–?) — генерал от артиллерии. Командир Гренадерского корпуса (21 мая 1912 – 2 сентября 1915). С 2 сентября 1915 г. — главный начальник Московского военного округа.
- 21 Щербатов Николай Борисович (1868–1948) — князь, в звании камергера, действительный статский советник, член Государственного совета по выборам от Полтавского земства (1912–1917, Группа правого центра, в 1915–1917 гг. — член Прогрессивного блока). Управляющий Государственным коннозаводством (1 января 1913 – 5 июля 1915). Управляющий Министерством внутренних дел (5 июня – 26 сентября 1915). Принадлежал к прогрессивной группе Совета министров. С 26 октября 1915 г. — член Совета управляющего Государственным коннозаводством. Умер в эмиграции.
- 22 Перерыв занятий Думы последовал 3 сентября 1915 г., с тем, чтобы они возобновились уже в ноябре этого года. Однако впоследствии срок начала занятий был перенесен на 9 февраля 1916 г., когда Дума снова начала свои заседания.
- 23 Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, коллежский ассессор. Общественный деятель, близкий к кадетам и прогрессистам. С 1904 г. — главноуполномоченный Общеземской организации. Депутат I Государственной думы от Тулы (Фракция кадетов). Во время Первой мировой войны — главноуполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам. Умер в эмиграции.
- 24 Маслов Сергей Николаевич — коллежский ассессор, председатель Орловской губернской земской управы, видный деятель «Союза 17-го октября».
- 25 Каменский Петр Валериевич (1860–?) — член Государственного совета по выборам от Екатеринославского земства (1915–1917, Группа центра). В 1915–1917 гг. — член Прогрессивного блока.
- 26 Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) — депутат IV Государственной думы от Москвы (Фракция кадетов). В годы Первой мировой войны — московский городской голова, главноуполномоченный Всероссийского городского союза помощи больным и раненым воинам. Умер в эмиграции.
- 27 Рябушинский Павел Павлович (1871–1924) — член Государственного совета по выборам от промышленности и торговли (1915–1917, Группа левых (академическая)). В 1915–1917 гг. — член Прогрессивного блока. Во время Первой мировой войны являлся также председателем Московского военно-промышленного и биржевого комитетов. Умер в эмиграции.
- 28 Астров Николай Иванович (1868–1934) — гласный Московской городской думы, член Главного комитета Всероссийского городского союза помощи больным и раненым воинам. Умер в эмиграции.
- 29 Гучков Александр Иванович (1862–1936) — действительный статский советник, член Главного управления Российского общества Красного Креста. Лидер «Союза 17-го октября». С началом Первой мировой войны — особоуполномоченный Красного Креста на Северо-Западном фронте. С 25 июля 1915 г. — председатель Центрального военно-промышленного комитета. В сентябре 1915 г. был выбран членом Государственного совета от промышленности и торговли. В 1915–1917 гг. — член Прогрессивного блока. Умер в эмиграции.
- 30 Подразумеваются Основные государственные законы 23 апреля 1906 г., оформившие создание в России конституционно-дуалистической монархии.
- 31 Штакельберг Рудольф Александрович (1880–?) — барон, церемониймейстер. Делопроизводитель 5-го класса Канцелярии Министерства Императорского двора. В Ставке исполнял обязанности начальника этой Канцелярии. Умер в эмиграции.
- 32 Самарин Александр Дмитриевич (1871–1930) — в должности егермейстера, действительный статский советник, член Государственного совета по назначению (с 1912,

- Группа правых). Член Главного управления Российского общества Красного Креста. Московский губернский предводитель дворянства (9 февраля 1908 – 5 июля 1915). Исправляющий должность обер-прокурора Святейшего синода (5 июля – 26 сентября 1915). Был близок к прогрессивной группе Совета министров. После ухода из кабинета — главноуполномоченный Красного Креста. С 4 декабря 1916 г. — председатель Постоянного совета Объединенного дворянства.
- 33 Хвостов Александр Алексеевич (1857–1922) — дядя А.Н. Хвостова, тайный советник, с 1 января 1917 г. — действительный тайный советник, член Государственного совета по назначению (с 1912, Группа правых), сенатор (с 1905). С 6 июля 1915 г. — управляющий Министерством юстиции. С 30 сентября 1915 г. по 7 июля 1916 г. — министр юстиции. С 7 июля по 16 сентября 1916 г. — министр внутренних дел.
- 34 Лодыженский Иван Николаевич (1872–?) — в должности шталмейстера, действительный статский советник, с 3 февраля 1917 г. — тайный советник. С 21 мая 1914 г. — исправляющий должность управляющего делами Совета министров. Утвержден в ней 4 февраля 1915 г. С 3 февраля 1917 г. — сенатор (с оставлением в предыдущей должности). Умер в эмиграции.
- 35 Заго Михаил Михайлович — полковник. Офицер Штаба верховного главнокомандующего.
- 36 Покидов — штабс-капитан. Дежурный офицер Петроградской телеграфной конторы.
- 37 Квашневский — капитан. Дежурный офицер Петроградской телеграфной конторы.
- 38 Яблонский Михаил Владимирович (1882–?) — коллежский советник. Чиновник особых поручений 5-го (19 января 1914 — 23 марта 1915) и 4-го, сверх штата (23 марта — 6 декабря 1915), классов при министре внутренних дел. С 6 декабря 1915 г. — член Совета министра внутренних дел. Нес личное дежурство при министрах внутренних дел.
- 39 Орлов Владимир Николаевич (1868–1927) — князь, генерал-лейтенант. Начальник Военно-походной канцелярии Николая II (26 августа 1906 — 27 августа 1915). Затем — помощник наместника на Кавказе по гражданской части. Выступал за уступки либеральной оппозиции и удаление от престола Г.Е. Распутина. Умер в эмиграции.
- 40 Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) — в звании камергера, действительный статский советник. Выдающийся общественный деятель. Один из организаторов «Союза 17 октября» и Партии мирного обновления.
- 41 Имеется в виду Николай Николаевич (1856–1929) — великий князь, двоюродный дядя Николая II, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Главнокомандующий войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа (26 октября 1905 — 20 июля 1914). Верховный главнокомандующий армией и флотом (20 июля 1914 — 23 августа 1915). На этом посту оказывал поддержку либеральной оппозиции и общественным организациям. С 23 августа 1915 г. — наместник его величества на Кавказе и главнокомандующий войсками Кавказского военного округа. Умер в эмиграции.
- 42 Липунский — поручик. Нарочный князя В.Н. Орлова.
- 43 Никольский Александр Петрович (1851 — не ранее 1918) — тайный советник, статс-секретарь его величества (с 1916), член Государственного совета по назначению (с 1908, Группа правого центра), сенатор (с 1906). Представитель кавказского наместника в Совете министров, Государственном совете и Думе (18 января 1910 — 30 мая 1916).
- 44 Зубовский Петр Павлович (1863–?) — тайный советник. Директор Департамента государственных земельных имуществ Министерства земледелия (13 мая 1913 — 2 декабря 1916). Со 2 декабря 1916 г. — товарищ министра земледелия.
- 45 Кривошеина Елена Геннадьевна (1870–1942) — урожденная Карпова, жена А.В. Кривошеина.
- 46 Марусов Яков Алексеевич — нарочный П.П. Зубовского.
- 47 Имеется в виду Министерство земледелия.

- 48 Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918) — племянник А.А. Хвостова, в звании камергера, действительный статский советник, депутат 4-й Государственной думы от Орловской губернии (председатель Фракции правых). С 26 сентября 1915 г. — управляющий Министерством внутренних дел. С 23 октября 1915 по 3 марта 1916 г. — министр внутренних дел. Расстрелян большевиками.
- 49 Наумов Александр Николаевич (1868–1950) — в должности егермейстера, действительный статский советник, член Государственного совета по выборам от Самарского земства (1909–1916, последовательно входил в группы правых и правого центра, затем — беспартийный). Самарский губернский предводитель дворянства (2 июля 1905 — 23 ноября 1915). Одновременно, с 21 мая 1913 г. — член Совета главноуправляющего Государственным коннозаводством. С 10 ноября 1915 г. — управляющий Министерством земледелия. С 1 января по 21 июля 1916 г. — министр земледелия. Входил в прогрессивную группу кабинета. С 21 июля 1916 г. — член Государственного совета по назначению (неприсутствующий). Умер в эмиграции.
- 50 Шаховской Всеволод Николаевич (1874–1954) — князь, в должности гофмейстера, действительный статский советник. Начальник Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения (8 февраля 1910 — 18 февраля 1915). С 18 февраля 1915 г. — управляющий Министерством торговли и промышленности. С 6 мая того же года — министр торговли и промышленности. Был близок к прогрессивной группе Совета министров. Умер в эмиграции.
- 51 Глинка Григорий Вячеславович (1862–1934) — тайный советник. Начальник Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия (30 сентября 1905 — 29 сентября 1915). Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (с 10 ноября 1915 г. — министра земледелия), главноуполномоченный по продовольственному снабжению армии (29 сентября 1915 — 28 августа 1916). С 28 августа 1916 г. — сенатор. Умер в эмиграции.
- 52 Невиандт Константин Александрович (1869–?) — коллежский советник. Управляющий Отделом городского хозяйства Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел (16 июля 1913 — 6 февраля 1917) и чиновник особых поручений 4-го класса (сверх штата) при министре внутренних дел (30 января 1916 — 6 февраля 1917). С 6 февраля 1917 г. — помощник начальника Главного управления по делам местного хозяйства.
- 53 Подразумевается образованное по инициативе А.Н. Хвостова, в декабре 1915 г., совещание министров: военного (генерал А.А. Поливанов), внутренних дел (А.Н. Хвостов), земледелия (А.Н. Наумов), путей сообщения (А.Ф. Трепов, председатель совещания) и торговли и промышленности (В.Н. Шаховской). Совещание координировало деятельность министерств по снабжению армии и населения и проработало до мая 1916 г.
- 54 Слободчиков Дмитрий Яковлевич (1864–?) — действительный статский советник, с 4 января 1917 г. — тайный советник. С 1 января 1912 по 4 января 1917 г. — директор Департамента земледелия Министерства земледелия. С 4 января 1917 г. — сенатор.
- 55 Кошко Владимир Степанович (1874–?) — действительный статский советник. В 1909–1917 гг. — управляющий Отделом сельской экономии и сельскохозяйственной статистики Министерства земледелия.
- 56 Ленин Сергей Николаевич (1860–1919) — тайный советник. Член Совета министра земледелия.
- 57 Риттих Александр Александрович (1868–1930) — гофмейстер. Товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (25 марта 1912 — 29 ноября 1916). С 4 марта 1916 г. — сенатор (с оставлением в предыдущей должности). С 29 ноября 1916 г. — управляющий Министерством земледелия. С 12 января 1917 г. — министр земледелия. Принадлежал к прогрессивной группе Совета министров. Умер в эмиграции.

- 58 Кривошеина Ольга Васильевна — сестра А.В. Кривошеина.
- 59 Тиханович-Савицкий Нестор Николаевич (1866 – после 1917) — купец, публицист и издатель. Председатель Астраханской народной патриотической партии. В годы Первой мировой войны выдвинулся в черносотенные лидеры всероссийского масштаба.
- 60 Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) — гофмейстер Высочайшего двора, с 10 ноября 1916 г. — обер-камергер Высочайшего двора, член Государственного совета по назначению (с 1904, Группа правых). Председатель Совета министров (20 января — 10 ноября 1916), министр внутренних дел (3 марта — 7 июля 1916), министр иностранных дел (7 июля — 10 ноября 1916). Умер в тюрьме.
- 61 Родзевич Николай Николаевич (?–1919) — преподаватель и издатель. Председатель Одесского отдела «Союза русского народа». Расстрелян большевиками.
- 62 Казанский Петр Евгеньевич (1866–1947) — специалист по международному и государственному праву. Профессор и декан юридического факультета Одесского университета. Один из руководителей Одесского отделения Всероссийского национального союза. Автор монографии «Власть всероссийского императора» (Одесса, 1913; М., 1999).
- 63 Смольянинов Владимир Николаевич (1862–?) — гофмейстер, тайный советник. Попечитель Одесского учебного округа. С 20 ноября 1915 г. — сенатор.
- 64 Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) — тайный советник, с 20 ноября 1914 г. — действительный тайный советник, статс-секретарь его величества (с 1911), член Государственного совета по назначению (с 1907, Группа правых, с марта по декабрь 1916 г. — ее председатель), сенатор (с 1911). Министр юстиции (24 апреля 1906 — 6 июля 1915). С 1 января 1917 — последний председатель Государственного совета. Расстрелян большевиками.
- 65 Русское собрание — элитарный политический клуб, возникший в 1903 г. и объединявший государственных и общественных деятелей консервативно-либерального и ортодоксально-консервативного направлений.
- 66 Подразумевается аудиенция у царя.
- 67 Тихомиров Лев Александрович (1852–1923) — статский советник, консервативный философ и публицист.
- 68 Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) — тайный советник, действительный член Академии наук, заслуженный профессор. В 1911–1917 гг. — товарищ председателя Главного совета «Союза русского народа». С 1 января 1917 г. — член Государственного совета по назначению (вошел в Группу правых).
- 69 Булацель Павел Федорович (1867–1919) — коллежский ассessor в отставке, присяжный поверенный, черносотенный публицист. В годы Первой мировой войны издавал журнал «Российский гражданин». Расстрелян большевиками.
- 70 Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) — брат В.А. Маклакова, гофмейстер. С 16 декабря 1912 г. — управляющий Министерством внутренних дел. С 21 февраля 1913 по 6 июня 1915 г. — министр внутренних дел. С 21 января 1915 г. — член Государственного совета по назначению (вошел в Группу правых). Расстрелян большевиками.
- 71 Пасхалов Клавдий Никандрович (1843–1924) — публицист, видный деятель черносотенного движения.
- 72 Имеется в виду Главный совет «Союза русского народа» — крупнейшей черносотенной организации.
- 73 Дата утверждения Основных государственных законов.
- 74 Имеется в виду 86 статья Основных законов, которая гласила: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспрять силу без утверждения Государя Императора» (Государственный строй Российской империи накануне крушения. С. 24).
- 75 Кравченко Петр Семенович (Самсонович) — общественный деятель. В молодости был членом народовольческого кружка. В 1914–1917 — астраханский городской голова.

- 76 Имеется в виду состоявшееся 25 октября 1916 г. Соповещание председателей губернских земских управ и городских дум. Результатом этого соповещания стали обращения главноуполномоченных Земского и Городского союзов к председателю Думы. «Председатели губернских земских управ, — сообщил Г.Е. Львов М.В. Родзянко 25 октября, — пришли к единодушному убеждению, что стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора, и единогласно уполномочили меня в лице Вашем довести до сведения членов Государственной думы, что в решительной борьбе Государственной думы за создание правительства, способного объединить все живые народные силы и вести нашу родину к победе, земская Россия будет стоять заодно с народным представительством». «Власть, — писал М.В. Челноков М.В. Родзянко 31 октября, — не может оставаться в руках тех, кто не умеет одолеть темных враждебных России влияний и организовать все живые силы страны на борьбу с врагом. Главный комитет Всероссийского союза городов поручил мне просить Вас довести до сведения Государственной думы, что наступил решительный час — промедление не допустимо, должны быть напряжены все усилия к созданию, наконец, такого правительства, которое в единении с народом доведет страну к победе» (*Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция // Архив русской революции. Т. 6. Берлин, 1922. С. 48, 49.*)
- 77 Подразумевается речь П.Н. Миллюкова, сказанная им 1 ноября 1916 г. в Думе и содержащая обвинения в измене, адресованные не только правительству Б.В. Штюрмера, но также царице и ее приближенным. Ее текст см.: Ораторы России в Государственной думе / Сост. М.А. Буланаква, С.В. Куликов и О.А. Патрикеева. В 2-х тт. СПб., 2004. Т. 2. С. 245–253.
- 78 Долгополов Нифонт Иванович (1857–1922) — врач и общественный деятель, гласный Астраханской городской думы.
- 79 Караулов Михаил Александрович (1878–1917) — подьесаул, депутат IV Государственной думы от Терской области (независимый). В 1915–1917 гг. — член Прогрессивного блока. Убит дезертирами.
- 80 Трепов Александр Федорович (1862–1928) — егермейстер, член Государственного совета по назначению (с 1914, Группа правых, с 19 января 1917 г. — ее последний председатель), сенатор (с 1906). С 30 октября 1915 г. — управляющий Министерством путей сообщения, затем — министр путей сообщения (1 января — 27 декабря 1916). С 3 ноября 1916 г. — статс-секретарь его величества (с оставлением в предыдущей должности). С 10 ноября по 27 декабря 1916 г. — председатель Совета министров. Умер в эмиграции.
- 81 Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — действительный статский советник, депутат IV Государственной думы от Симбирской губернии (Фракция октябристов), в 1914–1916 гг. — товарищ ее председателя. В 1915–1916 гг. — член Прогрессивного блока. Корсунский уездный (2 октября 1905 — 2 февраля 1916) и симбирский губернский предводитель дворянства (2 февраля — 16 сентября 1916). С 16 сентября 1916 г. — управляющий Министерством внутренних дел. С 20 декабря того же года — министр внутренних дел. Расстрелян большевиками.
- 82 Макаров Александр Александрович (1857–1919) — тайный советник, с 1 января 1917 г. — действительный тайный советник, член Государственного совета по назначению (с 1912, Группа правых), сенатор (с 1907). Министр юстиции (7 июля — 20 декабря 1916). Расстрелян большевиками.
- 83 «Государь! — явствовало из этого письма. — Городской и Земский союзы, военно-промышленные комитеты и Государственная дума, совместно с печатью, своими провокаторскими резолюциями, речами и статьями систематически восстанавливают население против власти, внушают ему о необходимости государственного переворота и всеми мерами стараются расположить к себе армию». «Необходи-

мо, — полагал Н.Н. Тиханович, — уничтожить Городской и Земский союзы и военно-промышленные комитеты — эти гнезда революционной пропаганды и объединения. Гучкова, Львова, Челнокова, Коновалова надо убрать, как коноводов подготовляемого переворота. Центральные управления этих учреждений следует передать в ведение правительства, образовав особое ведомство по снабжению всем необходимым армии и населения, а членов городских и земских управ, да и гласных, мобилизовать и заставить работать под его руководством». Н.Н. Тиханович рекомендовал распустить и Думу. Мотивируя свою позицию, он писал: «Ни мягкостью, ни уступками Ты, государь, ничего с этими людьми не достигнешь: чем к ним внимательнее — тем они наглее». Одновременно с закрытием союзов и роспуском Думы надо было, по мнению Н.Н. Тихановича, «приступить к исправлению новых Основных законов и к изменению Положения о Государственной думе». Полный текст письма см.: Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 545–547.

Подразумеваются местные отделения «Союза русского народа».